

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2025. Т. 9, № 4. С. 1224–1270.

Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 9, no. 4 (2025): 1224–70.

Научная статья

УДК 93/94

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2025-9-4-7>

<https://elibrary.ru/vimbos>

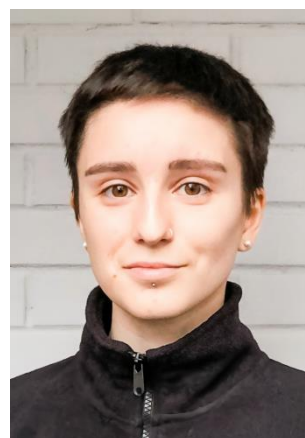
Гражданство: взгляд из центра на окраины: права и обязанности армян в Российской империи в общественном мнении Санкт-Петербурга и Москвы в 1880-е гг.

Александра Васильевна Недопекина

НИУ «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург,
Санкт-Петербург, Россия,
avnedopekina@hse.ru, <https://orcid.org/0009-0004-0675-998X>

Aleksandra V. Nedopekina

HSE University – St Petersburg,
St Petersburg, Russia,
avnedopekina@hse.ru, <https://orcid.org/0009-0004-0675-998X>

Аннотация. Статья посвящена определению роли и специфики «армянского вопроса» в российской публичной сфере Санкт-Петербурга и Москвы в начале 1880-х гг. – в период первого явного напряжения отношений между правительством и армянскими подданными империи. Обращение к материалам четырех крупнейших газет позволяет увидеть, в каких отношениях находились государственная политика и публичные дискурсы о Кавказе и армянах в начале царствования Александра III. Для общественности режим правовой партикулярности – в контексте ликвидации Кавказского наместничества – был источником проблем для государственной власти и местного населения. В статье показано, что консервативные и либеральные корреспонденты представляли разные мнения насчет причин и способов выхода из этой ситуации. Анализ общественных дискуссий позволяет сделать вывод о том, что суть «гражданства» (групповой субъектности армян) зависела не от фиксированных правовых норм, а от коллективного воображения участников публичной сферы.

Ключевые слова: Российская империя, Кавказ, армяне, Армянская Апостольская церковь, гражданство, публичная сфера, пресса

Благодарности: Работа выполнена под руководством кандидата исторических наук, доцента НИУ «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург Т.Ю. Борисовой.

Для цитирования: Недопекина А.В. Гражданство: взгляд из центра на окраины: права и обязанности армян в Российской империи в общественном мнении Санкт-Петербурга и Москвы в 1880-е гг. // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2025. Т. 9, № 4. С. 1224–1270, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2025-9-4-7>; EDN: VIMBOS

Citizenship: A View from the Center on the Outskirts: Rights and Responsibilities of Armenians in the Russian Empire according to the Public Opinion of St Petersburg and Moscow in the 1880s

Abstract. The article focuses on the role and specificity of the Armenian Question in the Russian public sphere of St Petersburg and Moscow in the early 1880s, a period of the first tension between the government and the Armenian subjects of the empire. The study of the four major newspapers reveals the relationship between the state policy and the public discourse about the Caucasus and Armenians under the early reign of Alexander III. According to the public opinion, the legal particularism together with the abolishment of Caucasus Viceroyalty caused problems for the government and the local population. The article shows that conservative and liberal correspondents had different opinions about the causes and ways to resolve that situation. The analysis of public discussions resulted in the conclusion that the essence of “citizenship” (the group identity of Armenians) depended on the collective imagination of participants in the public sphere rather than fixed legal norms.

Keywords: Russian Empire, Caucasus, Armenians, Armenian Apostolic Church, citizenship, public sphere, press

Acknowledgments: The research was conducted under the supervision of Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of HSE University St Petersburg, T.Yu. Borisova.

For citation: Nedopekina, A.V. “Citizenship: A View from the Center on the Outskirts: Rights and Responsibilities of Armenians in the Russian Empire according to the Public Opinion of St Petersburg and Moscow in the 1880s.” *Historia Provinciae* – the Journal of Regional History, vol. 9, no. 4 (2025): 1224–70, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2025-9-4-7>; EDN: VIMBOS

Введение

В декабре 1882 г. скончался католикос Кеворк IV – глава армяно-григорианской церкви, чья резиденция в Эчмиадзинском монастыре с 1828 г. находилась на территории Российской империи. Престол патриарха всех армян пустовал более двух лет, до 1885 г. Сложившаяся ситуация заставила высших российских чиновников пересмотреть отношение империи к своим армянским подданным, а также между армянской церковью и верховной властью¹. Однако смерть церковного иерарха и совпавшие с ней реформы кавказской

¹ Подробнее о выборах см.: Werth P.W. *The Tsar’s Foreign Faiths: Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia*. New York: Oxford University Press, 2014. P. 159–162; Урушадзе А.Т. Армянский католикос в системе управления Российской империи: пределы и противоречия интеграции // *Христианство на Ближнем Востоке*. 2023. Т. 7, № 2. С. 183–202. <https://doi.org/10.24412/2587-9316-2023-00170>

администрации заинтересовали не только бюрократов. Российская публика двух столиц вступила в обсуждение пределов имперской власти на Южном Кавказе и положения местных иноверцев.

На страницах газет Санкт-Петербурга и Москвы различные авторы пытались найти баланс между взаимными обязательствами государства и неправославных подданных. Независимо от идеологических представлений, пресса приветствовала ликвидацию Кавказского наместничества с его особым региональным управлением. Корреспонденты видели в режиме партикулярности источник проблем как для устойчивости имперской власти, так и для повседневной жизни местного населения. Поэтому «слияние» Кавказа было желанной целью, сопряженной с непременными трудностями в виде интеграции и аккультурации местного населения². Публика считала подчинение отраслей кавказского управления министерствам правильной, но недостаточной мерой – статьи и заметки констатировали различные аспекты окраинной жизни, которые требовали трансформаций. Несмотря на согласие в этом вопросе, либеральные и консервативные газеты предлагали разные варианты переустройства имперской системы, которые отразились и в дискурсах об армянах.

В рамках данной статьи моей задачей было показать на основе выборки публикаций в прессе по «армянской» тематике (1882–1885), как русскоязычная общественность Санкт-Петербурга и Москвы интерпретировала «гражданство» применительно к окраинному населению; как права и обязанности армян обретали наполнение в коллективном воображении жителей «центра», а кроме того, как через «армянский вопрос» авторы газетных материалов высказывались об имперской системе и какие изменения предлагали.

«Армянский вопрос» в империи Романовых и «режим имперских прав»

В начале 1880-х гг. в публичном поле только зарождалась дискуссия об армянах в качестве подданных Российской империи, громкие конфликты армян с российской властью возникли позже. Как следствие, в отличие от ситуации в Османской империи³, в прессе не было консенсуса о содержании российского

² Как отмечает Джейн Бербанк, правовая партикулярность являлась постоянным источником критики для сторонников реформ середины XIX века. Сам же дискурс «слияния» на протяжении всего имперского периода представлял собой проект, к которому разные акторы обращались спорадически. См.: *Burbank J. An Imperial Rights Regime: Law and Citizenship in the Russian Empire // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2006. Vol. 7, no. 3. P. 418. <https://dx.doi.org/10.1353/kri.2006.0031>*

³ Наполнение «армянского вопроса» в Османской империи было формально сформулировано в ходе Берлинского конгресса. В начале 1880-х гг. его «решение»

«армянского вопроса». Несмотря на это, сама категория «вопроса» удобно очерчивает темы, связанные с конкретной этноконфессиональной группой, которая расположена вне системы власти и привилегий – т.е. является *аутсайдером* или *Другим*⁴. Холли Кейс в своем крайне содержательном исследовании рассматривает «вопрос» как инструмент мышления и публичной дискуссии в XIX веке. Она выявляет два больших дискурса о «национальных вопросах». Первый направлен на то, чтобы сделать границу между системой и *аутсайдером* еще более ощутимой, как в случае с поляками после восстаний 1830-х и 1860-х гг. Второй дискурс опирается на идеи о равенстве и отстаивании права принадлежать к системе и участвовать в ней⁵. Эти два способа задавать и отвечать на «вопросы» не только существовали параллельно, но и требовали одного и того же – трансформации самой системы⁶.

На мой взгляд, эта теоретическая рамка служит хорошим основанием, чтобы проанализировать дискурсы столичной общественности, в которых фигурировало армянское население во второй половине XIX в. Я исхожу из предпосылки, что, рассматривая конкурирующие высказывания в рамках

варьировалось от реформ в христианских провинциях и защиты армян Анатолии от грабежей до создания независимого армянского государства.

Подробнее об этом см.: *Suny R.G. Looking toward Ararat: Armenia in Modern History*. Bloomington: Indiana University Press, 1993. P. 100–102; *Крбежян В.Г.* Армянский вопрос на Берлинском конгрессе // Вестник общественных наук. 2002. № 2. С. 25–45. URL: <https://arar.sci.am/dlibra/publication/42855/edition/38388/content> (дата обращения: 30.11.2024). Что касается рассматриваемых газет, то независимо от политического направления они высказывались в поддержку этих преобразований и следили за трениями вокруг их реализации. Однако армянской проблеме явно не хватало остроты, чтобы надолго удерживать внимание публики. Поэтому постепенно к 1885 г. эта тема была вытеснена дискуссиями о другом наследии Берлинского конгресса – Восточной Румелии. Эта территория с 1878 г. являлась автономной областью Османской империи, но в 1885 г. вошла в состав Болгарского княжества.

⁴ Штефан Кирмзе использует схожее по смыслу аналитическое понятие «меньшинства». Он указывает, что в контексте Российской империи второй половины XIX в. армяне (в его исследовании – «татары») в некоторых районах могли составлять большинство населения. Тем не менее, в государстве в целом они не являлись привилегированной группой и сталкивались с различными видами дискриминации. См.: *Кирмзе Ш.Б.* Империя законности: юридические перемены и культурное разнообразие в позднеимперской России / перевод с английского А. Ланге. Москва: Новое литературное обозрение, 2023. С. 29.

⁵ *Case H.* The Age of Questions: Or, A First Attempt at an Aggregate History of the Eastern, Social, Woman, American, Jewish, Polish, Bullion, Tuberculosis, and Many Other Questions over the Nineteenth Century, and Beyond. Princeton: Princeton University Press, 2018. P. 46.

⁶ *Case H.* The Age of Questions. P. 46.

«вопроса», можно обнаружить спектр общих представлений не только об отношениях государства к окраинам и их населению, но и о более широких проблемах устройства властных отношений, которые волновали авторов и читателей. Далее в тексте я постараюсь показать, как образованная публика через высказывания о правах и обязанностях армян искала способы реорганизовать имперское пространство и его основания.

Что касается историографии, то наибольший интерес к теме гражданства пришелся на начало XXI в., когда многие исследователи задались вопросом: возможно ли «гражданство» в политических системах без гражданского равенства⁷? Как замечает активнейший участник этой дискуссии, историк Эрик Лор, «гражданство» (citizenship) в общепринятом значении является идеальным и недостижимым типом отношений, которому ни позднеимперская Россия, ни какое-либо иное государство не способно соответствовать⁸. Тем не менее сам Лор придерживается мнения о том, что Российская империя совершала «прогрессивные» поступательные движения на пути к превращению подданных в граждан⁹. Процессы, запущенные Великими реформами, привели к тому, что старые категории различий стирались на уровне дискурсов и практик, а права, гарантированные законом, универсализировались и расширялись. Однако, как демонстрируют Д. Бербанк, А. Моррисон, С. Глебов, Ш. Кирмзе и Т. Борисова, модернистские идеи о равенстве и свободах не исключали правовой дифференциации имперского субъекта¹⁰. «Режим имперских прав» подразумевал, что государство предоставляло права и обязанности коллективам, что создало условия для участия даже низших субъектов в управлении и защите их прав¹¹. При этом, чем больше внимания в исследовании уделяется практикам, тем яснее вырисовывается партикуляризм правовой системы.

⁷ Lohr E. The Ideal Citizen and Real Subject in Late Imperial Russia // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2006. Vol. 7, no. 2. P. 173–174. <https://dx.doi.org/10.1353/kri.2006.0021>

⁸ Lohr E. The Ideal Citizen and Real Subject in Late Imperial Russia. P. 173–174.

⁹ Lohr E. The Ideal Citizen and Real Subject in Late Imperial Russia. P. 177, 181.

¹⁰ Burbank J. An Imperial Rights Regime. P. 397–431; Morrison A. Metropole, Colony, and Imperial Citizenship in the Russian Empire // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2012. Vol. 13, no. 2. P. 327–364. <https://dx.doi.org/10.1353/kri.2012.0016>; Glebov S. Between Foreigners and Subjects: Imperial Subjecthood, Governance, and the Chinese in the Russian Far East, 1860s–1880s // *Ab Imperio*. 2017. № 1. P. 86–130. <https://dx.doi.org/10.1353/imp.2017.0005>; Borisova T. Imperial Legality through ‘Exception’: Gun Control in the Russian Empire // *Journal of Modern European History*. 2021. Vol. 19, iss. 4. P. 448–468. <https://doi.org/10.1177/16118944211051853>; Кирмзе Ш.Б. Империя законности.

¹¹ Burbank J. An Imperial Rights Regime. P. 400, 410.

Следует заметить, что источники и их специфика оказывают важное влияние на формирование выводов исследователей о гражданстве в Российской империи. Так, теоретики, осмысляющие гражданство, склонны подчеркивать расширение и уравнивание прав субъектов, а практики государственного управления тяготеют к освещению сферы обязательств¹². Меня же интересуют конкурирующие высказывания о правах и обязанностях армянского населения Южного Кавказа за пределами текстов законов или залов судебных заседаний. Я хотела бы обратить внимание на то, как групповая субъектность нерусского/неправославного населения Российской империи осмысляется в публичной печатной дискуссии. Ключевая особенность этих источников в том, что одни и те же события (новости) актуализировали разные дискурсы в зависимости от печатного органа.

Источники

Общественность, к чьему голосу я обращаюсь, – это прослойка грамотного, преимущественно городского населения, которая читала газеты и иногда вступала в печатные дискуссии на их страницах. Моими основными источниками стали четыре крупнейшие газеты начала 1880-х гг., выходившие в Санкт-Петербурге и Москве: «Голос» (СПб), «Русские ведомости» (Москва), «Новое время» (СПб) и «Московские ведомости» (Москва). Все четыре издания относились к типу «универсальной газеты». Они отличались разнообразием публикаций, их редакторы печатали правительственные распоряжения, новости столицы и других городов империи и иностранных государств, сообщения телеграфных агентств, аналитические статьи, литературные произведения, новости культуры, интервью и рекламу¹³. Выбранные мной газеты имели наибольшие тиражи в рассматриваемый период – от 12 до 25 тыс. экземпляров в день¹⁴. Крупные периодические издания получали информацию от своих

¹² Lohr E. The Ideal Citizen and Real Subject in Late Imperial Russia. P. 175–176.

¹³ Сони́на Е.С. Петербургская универсальная газета конца XIX века. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2004. С. 10–11; McReynolds L. The News under Russia's Old Regime: The Development of a Mass-Circulation Press. Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 292.

¹⁴ Ежедневный тираж «Русских ведомостей» был в среднем 12–14 тыс. экземпляров, в 1882 г. доходил до 20 тыс. Тираж «Голоса» перед закрытием газеты в феврале 1883 г. колебался от 19,5 до 25 тыс. в день.

Отчет о деятельности С. Петербургского Цензурного Комитета за 1882 г. // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 776. Оп. 20. Д. 548. Л. 124 об.; Отчет о деятельности Московского Цензурного Комитета за 1883 г. // РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 645. Л. 121, 143. По данным Луизы МакРейнольдс, «Новое время» насчитывало около 20 тыс. номеров ежедневно. См.: McReynolds L. The News under Russia's Old Regime. P. 292.

корреспондентов, телеграфных станций, из российской и иностранной прессы. За счет взаимного цитирования и публичной печатной дискуссии аудитория одной из газет могла узнать содержание материалов других изданий. Таким образом, информационные поля печатных органов взаимно пересекались и создавали дискурсивное пространство, территориально охватывавшее не только Петербург и Москву, но и другие области внутри и за пределами империи¹⁵.

Недавняя публикация Амираана Урушадзе о репрезентации Кавказской войны в российской публичной сфере первой половины XIX в. открывает заманчивые перспективы для сравнения. Как показывает исследователь, для общественности – группировавшейся вокруг светских салонов, периодических изданий, литературных произведений – проблемы интеграции южных окраин, включая Кавказскую войну, оставались на периферии внимания по сравнению с событиями в Европе¹⁶. Несмотря на окончание Кавказской войны, отмену предварительной цензуры (1865), развитие массовой прессы и ускорение движения информации, публичная сфера в 1880-е гг. демонстрировала ряд сходных черт с николаевским временем. Интерес российской общественности к Кавказу по-прежнему был ситуативным и зависел от правительственной политики и перемен ее курса¹⁷. Даже после того, как закончились ограничения военного времени, голоса с южной окраины с трудом доходили до «центра», отвоевывая себе места в газетных колонках рядом с британской оккупацией Египта или смертью Леона Гамбетты, председателя Совета министров Франции. Тем не менее публичная сфера на протяжении всего столетия, невзирая на ограничения, оставалась пространством неформальной политической конкуренции. Но к концу века, как мы увидим далее, число участников обсуждений, посвященных Кавказу, увеличилось, а список проблем, связанных с интеграцией региона, стал более детальным.

Для этого исследования выборка источников была хронологически ограничена периодом, когда престол главы армяно-григорианской церкви пустовал, т.е. с декабря 1882 г. по первое полугодие 1885 г. Смысл этого

¹⁵ Сафронова Ю.А. Русское общество в зеркале революционного террора. 1879–1881 годы. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. С. 110–111. Среди наиболее часто цитируемых поставщиков новостей об армянах за рубежом были газеты: “Politische Correspondenz” (Вена); “Times”, “Standard”, “The Daily News” (Лондон). Из местных кавказских изданий часто цитировались новости из армяноязычных газет «Мегу Хаястани», «Мшак» и «Ардзаганк».

¹⁶ Урушадзе А.Т. Кавказская война в российской публичной сфере (1801–1864) // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 1. С. 87, 89, 91. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-3>

¹⁷ Урушадзе А.Т. Кавказская война в российской публичной сфере (1801–1864). С. 96.

решения состоял в том, чтобы на коротком промежутке времени проследить, на какие из ограниченного количества событий (новостей) реагировали корреспонденты и о чем они писали в связи с этим.

Армяне в России и «российские» армяне

Армяне проживали в различных частях Российской империи на протяжении нескольких веков, пользуясь репутацией сообщества с широкими международными связями и получая привилегии от российских царей на ведение торговли¹⁸. В 1828 г. по окончании русско-персидской войны в состав Российской империи были включены территории Эриванского и Нахичеванского ханств. Несмотря на то, что их население было по преимуществу мусульманским, в Российской империи появилось и значительное количество армян. Следующий крупный приток армян произошел в связи с русско-турецкой войной 1877–1878 гг. и присоединением османских областей с городами Карс, Батуми и Ардаган.

В начале 1880-х гг. отголоски недавней войны и широкая реформа кавказской администрации спровоцировали полемику о положении Российской империи в регионе и постоянном ее соперничестве с Османской, Персидской и Британской империями. Газеты «Голос», «Русские ведомости», «Новое время» и «Московские ведомости» отражали различные взгляды на состояние власти Романовых на Кавказе. В зависимости от того, как редакторы и корреспонденты воображали южную окраину, они занимали особую позицию относительно свобод и обязанностей иноверческого населения, в том числе армян. В этот период общим местом для всех рассматриваемых изданий была идея оторванности Кавказа от основного тела империи, но выводы из этой предпосылки были разными.

В исследуемый период (1882–1885 гг.) были проведены реформы, направленные на преодоление особого правового положения Кавказского края¹⁹. Крайне чувствительной для армяно-григорианской церкви и ее паствы оказалась образовательная часть этих преобразований. Еще с 1870-х гг. российские чиновники пытались сократить автономию Эчмиадзина в школьной

¹⁸ Подробнее об этом см.: *Suny R.G. Looking toward Ararat. P. 32–35; Riegg S.B. Russia's Entangled Embrace: The Tsarist Empire and the Armenians, 1801–1914. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2020. P. 12–13.*

¹⁹ Подробнее о ходе этих преобразований см.: *Ремнев А.В. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 286–291.*

сфере, гарантированную Положением 1836 г.²⁰ После ликвидации наместничества Кавказский учебный округ перешел в юрисдикцию Министерства народного просвещения. Служащие этого ведомства в 1883 г. начали разработку для армянских церковно-приходских школ новых правил, расширявших сферу контроля учебного округа. Они вступили в силу 16 февраля 1884 г., однако в отсутствие католикоса Эчмиадзинский Синод отказался их принимать. Реагируя на неповиновение высшего духовенства и местного школьного руководства, кавказская администрация силами полиции в феврале 1885 г. закрыла 169 училищ²¹. Благодаря переговорам новоизбранного католикоса Макария I с российскими чиновниками школы вновь официально открылись в 1886 г.²²

Это был первый момент, когда конфликт между армяно-григорианской церковью и российской властью стал частью публичного обсуждения. Однако не стоит заранее переоценивать осведомленность петербургской и московской общественности о кавказских реалиях и положении армян и армяно-григорианской церкви. Тем более, что принцип дифференциации права требовал опоры на знание о группах подданных, для которых законы предусмотрены²³. Нам следует держать в уме, что общественность Санкт-Петербурга и Москвы вряд ли обладала исчерпывающими сведениями о Кавказе и его населении в силу территориальной удаленности, колебания интереса и особенностей источников информации. Кроме того, как будет показано далее, «армянские» проблемы, заботившие чиновников в высоких кабинетах, до печати не доходили.

²⁰ «Положение об управлении делами армяно-григорианской церкви в России» (1836 г.). Так, согласно «Положению», армяно-григорианские епархиальные начальники должны были вести надзор за армянскими церковными школами – их обеспечением, порядком преподавания и отношениями между учителями и учащимися.

975. Об управлении духовных дел христиан армяно-григорианского исповедания // Свод законов Российской империи. Т. XI. Кн. III. Ч. I. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. Санкт-Петербург: Типография Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. С. 183.

О выработке правил для церковно-приходских школ армяно-григорианского исповедания в 1870-е гг. см.: Riegg S.B. *Russia's Entangled Embrace*. P. 183.

²¹ Дурново И.Н. О противозаконном бездействии Эчмиадзинского Синода по делу об армянских церковных школах на Кавказе, 23 мая 1885 года // РГИА. Ф. 821. Оп. 11. Д. 60. Л. 114.

²² Werth P.W. *The Tsar's Foreign Faiths*. P. 160.

²³ Burbank J. *An Imperial Rights Regime*. P. 421.

Либеральная пресса: в поисках хороших чиновников

Либеральные издания «Голос» и «Русские ведомости» ставили акцент на превалирующих обязательствах имперского государства в отношении своих подданных. В основе этой логики лежали два взаимосвязанных фактора. Во-первых, обе газеты не видели причин опасаться за целостность империи и прочность государственных границ, в частности на Кавказе. Во-вторых, армяне наряду с другими нерусскими (неправославными) подданными составляли умозрительную общность, которая занимала невысокие позиции в иерархии цивилизационного развития. Такие этноконфессиональные группы скорее требовали опеки, чем представляли какую-либо угрозу власти и общественному порядку.

Автор статьи для «Голоса» по случаю панихиды по католику Кеворку в петербургском армянском соборе св. Екатерины писал, что армяне являются одной из многих «национальностей, населяющих наше обширное отечество»²⁴. Этот текст во многом показателен, так как отражает общее отношение, которое транслировала либеральная пресса. Автор «Петербургских заметок» создал романтический нарратив о «печальной исторической судьбе» армян, для которых покровительство христианского царя – как результат божественного провидения – стало наградой за века «мусульманского ига»²⁵. И «Голос», и «Русские ведомости», в отличие от консервативных газет, избегали риторики завоевания в отношении Южного Кавказа. Следовательно, либеральные авторы представляли расширение российской границы на Кавказе естественным следствием миссии империи. «Русские ведомости» писали о том, что угнетенные «азиатскими» «варварами» армяне сознательно избрали Российскую империю – стоящую в одном ряду с другими европейскими державами – для собственного процветания²⁶.

Примечательна другая часть «Петербургских заметок» из «Голоса»:

Неподалеку от этих двух «лиц» (М.Т. Лорис-Меликова и Н.П. Игнатьева. – А. Н.) стоял творец болгарской конституции, князь Дондуков-Корсаков, призванный теперь к новому организаторскому труду, но не у подножья Балкан, а среди гор Кавказа...²⁷

На тот момент А.М. Дондуков-Корсаков только что возглавил кавказскую администрацию, получив пост главноначальствующего гражданской частью.

²⁴ Петербургские заметки // Голос (Санкт-Петербург). 1882. № 351 (25 декабря). С. 1.

²⁵ Петербургские заметки // Голос (Санкт-Петербург). 1882. № 351 (25 декабря). С. 1.

²⁶ Москва // Русские ведомости (Москва). 1884. № 296 (25 октября). С. 1.

²⁷ Петербургские заметки // Голос (Санкт-Петербург). 1882. № 351 (25 декабря). С. 1.

Любопытно, что автор текста ставит главной заслугой этого опытного чиновника именно создание «Тырновской» конституции Болгарского княжества (1879). Сам же Дондуков-Корсаков в начале 1880-х гг. оценивал итоговый текст главного закона как чрезмерно «либеральный» для болгар, которые только обрели собственное государство и не имели для этого соответствующего исторического опыта²⁸. Однако корреспондент «Голоса» скорее ожидал, что новое назначение Дондукова-Корсакова повлечет за собой аналогичную деятельность для армян, чьи права не потребуется завоевывать на поле битвы.

Возвращаясь к изначальному положению об оторванности Кавказа от общеимперского тела, необходимо рассмотреть, какова, по мнению авторов газетных материалов, была причина такого положения дел. Для этого удивительным образом подходит канонический вопрос «кто виноват?». «Голос» и «Русские ведомости» были солидарны – виноваты чиновники.

Миссионерская роль государства требовала, чтобы бюрократический аппарат морально и профессионально соответствовал возложенной на него роли. Например, Дондуков-Корсаков в упомянутой выше статье показан как человек, доказавший свою пригодность для нового назначения во время работы над конституцией для болгар. Тем не менее, в других случаях отношения российской власти и армянской церкви приобретали амбивалентный характер. С одной стороны, империя создавала условия для развития армянской культуры, с другой, – как писал автор некролога о покойном католикосе,

ревностная деятельность патриарха Кеворка IV на поприще образования армянского народа, вместо поощрения и похвал, встречала на месте некоторые препятствия со стороны бюрократической исключительности, упускающей из виду обширность нивы народного образования, на которой хватит места для всех сеятелей²⁹.

Вполне предсказуемо всю ответственность за современные негативные явления корреспонденты возлагали на упраздненное Кавказское наместничество. Но также в процитированном фрагменте и других публикациях мы можем увидеть ожидания общественности, связанные с тем, что именно государственные институты должны способствовать процветанию инкорпорированных народов или, как минимум, не мешать их

²⁸ Дондуков-Корсаков А.М. Несколько мыслей и соображений по вопросу о безотлагательной необходимости коренных преобразований административных органов местного управления в России // РГИА. Ф. 1317. Оп. 1. Д. 58. Л. 22–22 об.

²⁹ Москва // Русские ведомости (Москва). 1884. № 296 (25 октября). С. 1.

самостоятельному прогрессивному развитию. Редакционная статья в «Голосе» от 11 февраля 1883 г. была полностью посвящена критике бывшего наместничества, которое, «неодухотворенное ни широтой идей, ни личной талантливостью деятелей»³⁰, не смогло совместить принципы управления с местными особенностями. По мнению газеты, из-за некомпетентности кавказских чиновников край не мог развиваться в соответствии с ожиданиями прогрессивной общественности, требовавшей эффективной защиты частной собственности, современной судебной системы, развитой торговли и промышленности³¹.

«Русские ведомости» также высказывали обеспокоенность по поводу конфликта между желаемым образом чиновников и действительностью. Реагируя на эмиграцию натурализованных киргизов в Китай, а армян – в Турцию, анонимный автор писал, что служащие на окраинах оказались не способны нести «блага цивилизации, чтобы привязать эти народности к себе, совместив их прогресс с нашими выгодами»³². Само сравнение *иноверцев* армян и *инородцев* киргизов намекало на то, что независимо от истории, веры или текущего образа жизни, население Кавказа и Средней Азии легко маркировалось автором как «восточное», «азиатское». Можно предположить, что подобное уравнивание групп, прежде относившихся к разным категориям в имперской классификации, указывает на дискурсивный сдвиг, описанный Джоном Слокумом³³. Сложно ответить однозначно, что знал корреспондент «Русских ведомостей» об армянах и киргизах, выражая сожаление об их безуспешной интеграции. Тем не менее, очевидно, что для автора и те, и другие инородцы в силу своей *инаковости* требовали от государственных служащих больше внимания и усилий.

Любопытно то, как либеральные газеты рассматривали положение главы церкви, Эчмиадзинского Католикоса. Этот титул обеспечивал статус предстоятеля армянских диаспор по всему миру, но в Российской империи его власть была ограничена «Положением» 1836 г. Однако авторы некрологов о Кеворке в «Голосе» (см. выше) и «Русских ведомостях», однако, обходили эту точку напряжения. Например, в московской газете юрист Г.А. Джаншиев («Г. Д.») высоко оценил образовательную деятельность Кеворка. При этом, создавая образ священнослужителя-просветителя, Джаншиев ни разу не

³⁰ Голос (Санкт-Петербург). 1883. № 42 (11 февраля). С. 1.

³¹ Голос (Санкт-Петербург). 1883. № 42 (11 февраля). С. 1.

³² Москва // Русские ведомости (Москва). 1884. № 296 (25 октября). С. 1.

³³ Слокум Дж.У. Кто и когда были «инородцами»? Эволюция категории «чужие» в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии / составители П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. Москва: Новое издательство, 2005. С. 502–525.

упомянул государство или царя – субъектность католикоса дискурсивно не была скована границами подданства³⁴.

Еще один материал, характеризующий роль католикоса, вышел в феврале 1885 г. в «Русских ведомостях» после того, как Эчмиадзинский Синод отказался принять новые правила для церковно-приходских школ и кавказская администрация закрыла эти учебные заведения. Газета перепечатала статью из газеты «Кавказ». Автор текста осуждал меры местных властей, поскольку, с его точки зрения, решение дел армянской церкви следовало отложить до выборов нового католикоса, так как он был единственным лицом, с кем верховная власть могла вести переговоры о судьбе «темного армянского населения»³⁵. Корреспондент не снимал ответственность с членов Синода, чье поведение шло «вразрез с действительными его (армянского населения. – А. Н.) нуждами», поскольку они не разъяснили пастве требования власти и не предотвратили волнения³⁶. Действия же гражданских чиновников были названы неадекватными, поскольку нарушили установленную иерархическую структуру коммуникации между властью и армянским сообществом.

Подведем предварительный итог: авторы либеральных изданий «Голос» и «Русские ведомости» не видели противоречий в том, чтобы, с одной стороны, армяне сохраняли и развивали свой язык, веру, обычаи, а с другой – интегрировались в имперскую систему. Главным препятствием для сближения в газетных статьях выставлялись окраинные чиновники, которые должны были регулировать баланс между этими тенденциями. Решение проблем виделось в соблюдении принципов законности, в первую очередь, государственными служащими. Сходства в логике двух либеральных газет отражают уверенность их редакций в неделимости Российской империи и сознательном выборе нерусских/неправославных подданных быть ее частью. Газеты продолжали продвигать романтическую терпимость, но эта открытость культуре *Другого* была явно окрашена идеями о цивилизованности и иерархиях. С этой точки зрения, армяне, даже после проявленного публичного неповиновения требованиям властей, представлялись неспособными бросить вызов российскому правлению в силу своего культурного развития.

Консервативная пресса: о привилегиях иноверцев

На страницах консервативных газет жизнь на окраине империи подавалась в менее благостном виде. «Новое время» и «Московские ведомости» выражали

³⁴ Г. Д. Кеворк IV, католикос всех армян (некролог) // Русские ведомости (Москва). 1882. № 343 (15 декабря). С. 3.

³⁵ Русские ведомости (Москва). 1885. № 81 (24 марта). С. 2.

³⁶ Русские ведомости (Москва). 1885. № 81 (24 марта). С. 2.

сильную тревогу по поводу обособленности Кавказского края. В отличие от либеральных авторов, консерваторы искали виноватых не в чиновничьей среде, а среди местного кавказского населения. В их представлении в этом регионе слабая гражданская власть столкнулась с опасными противниками: армяне не желали подчинения и были готовы обратить блага «цивилизации» против легитимной власти. Именно здесь выходит на поверхность главное расхождение между «либералами» и «консерваторами» – тактика включения *аутсайдеров* в систему. Риторика консервативных авторов вполне соответствовала тому, что в историографии принято называть «национализирующей империей», когда национальное строительство разворачивается в имперском ядре³⁷. В ходе этого процесса нерусские/неправославные подданные оказывались отчужденными от единой общеимперской культуры, как следствие, от них ожидалось усилия по собственной аккультурации. Во второй половине XIX в. степень усвоения «русскости» – которую было довольно сложно определить – все чаще становилась эквивалентом политической лояльности³⁸. В отличие от консерваторов, либералы держали в уме идеал европейской просвещенности, малочувствительный к национальным различиям.

При этом консервативные издания Санкт-Петербурга и Москвы по-разному оценивали риски, исходившие от нерусского населения. Политические воззрения газеты «Новое время» отрицали саму возможность нарушить статус-кво на Кавказе. Положение Российской империи виделось столь уверенным, что завоевание черноморских проливов казалось делом времени³⁹. Основными акторами политики в регионе были Российская, Османская империи и западноевропейские государства. Армяне и другие этноконфессиональные группы были на политической арене или незаметны, или их интересы ассоциировались с одной из больших держав⁴⁰. Газета А.С. Суворина даже не

³⁷ Miller A., Berger S. Introduction: Building Nations in and with Empires – A Reassessment // *Nationalizing Empires* / edited by S. Berger, A. Miller. Budapest: Central European University Press, 2015. P. 4.

³⁸ Saunders D. Russia and Ukraine under Alexander II: The Valuev Edict of 1863 // *The International History Review*. 1995. Vol. 17, no. 1. P. 27–28. <http://dx.doi.org/10.1080/07075332.1995.9640700>

³⁹ Ежедневное обозрение // *Новое время* (Санкт-Петербург). 1883. № 2544 (29 марта). С. 1; Ежедневное обозрение // *Новое время* (Санкт-Петербург). 1883. № 2567 (23 апреля). С. 1.

⁴⁰ С середины XIX века в общественном мнении формируется представление о Кавказе как площадке большого геополитического противостояния. Особый вклад в укоренение этого образа внесла публикация «Писем с Кавказа» Р.А. Фадеева в 1860-х гг. См.: Урушадзе А.Т. Кавказская война в российской публичной сфере (1801–1864). С. 103–104.

исключала создания армянского государства в Малой Азии по примеру Болгарии⁴¹.

Главное, что действительно беспокоило корреспондентов «Нового времени» в российских армянах, – приписываемое им «естественное» нежелание подчиняться законам и преимуществу иноверцев, которых были лишены жители центральных губерний. Более общая позиция по этому вопросу прослеживается в двух статьях 1884 г. В январе корреспондент издания с большим одобрением встретил предложение А.М. Дондукова-Корсакова распространить всеобщую воинскую повинность на кавказское население, чтобы «восполнить лишь долю справедливости в отношении главной массы коренного населения России»⁴². Через полгода предположительно тот же автор опубликовал новую статью, «О привилегиях русских окраин»⁴³. В его интерпретации дихотомия «ядро–окраины» рассматривалась как противопоставление победителя побежденному: после завоевания покоренный народ переставал быть актором политики со своими интересами и амбициями, а обрести субъектность было возможно лишь после аккультурации в составе более сильной нации⁴⁴.

В мае 1884 г. прошли выборы католикоса, по результатам которых главным претендентом на этот пост оказался армянский константинопольский патриарх Нерсес Варжапетян. После того как священнослужитель по состоянию здоровья снял свою кандидатуру, результаты выборов были аннулированы⁴⁵. Реагируя на это событие, корреспондент «Нового времени» попытался объяснить, что заставило Нерсеса отказаться от высокого титула Католикоса всех армян. Автор сравнил положение дел в Эчмиадзине и Константинополе и пришел к выводу о принципиальной разнице политических режимов двух государств. Сама организация жизни в Российской империи, по его мнению, ограждала католикоса от чуждых его званию забот, позволяя направить все силы на истинно духовное служение. Напротив, ситуация в Османской империи представляла собой грубое смешение «духовного» и «политического»,

⁴¹ Ежедневное обозрение // Новое время (Санкт-Петербург). 1883. № 2567 (23 апреля). С. 1.

⁴² Всеобщая воинская повинность на Кавказе // Новое время (Санкт-Петербург). 1884. № 2825 (9 января). С. 1.

⁴³ О привилегиях русских окраин // Новое время (Санкт-Петербург). 1884. № 3015 (21 июля). С. 1.

⁴⁴ О привилегиях русских окраин // Новое время (Санкт-Петербург). 1884. № 3015 (21 июля). С. 1.

⁴⁵ Толстой Д.А. О выборах кандидатов на пост Верховного Патриарха Католикоса всех армян, август 1884 года // РГИА. Ф. 821. Оп. 11. Д. 59. Л. 97–98. Нерсес Варжапетян умер 26 октября 1884 в возрасте 47 лет.

вследствие чего высшее духовенство присоединялось к политическим интригам внутри правительства. Отказ Нерсеса возглавить Эчмиадзин не вызывал у автора удивления, поскольку

престол (католикоса всех армян. – *А. Н.*)... может быть предметом желаний только для человека скромного и богобоязненного, преданного интересам своего народа и желающего ему блага, но вряд ли он может быть целью стремлений для того, кто привык уже играть известную политическую роль, еще более видную⁴⁶.

Вероятно, на позицию автора повлияла попытка Нерсеса Варжапетяна вступать в переговоры с участниками Берлинского конгресса по «армянскому вопросу»⁴⁷ или же тот факт, что в Османской империи существовал выборный орган управления армянской общиной – Армянское Национальное Собрание, – который мог участвовать в деятельности правительства⁴⁸. На этом фоне Российская империя представляла в более выгодном свете, когда не позволяла конфессиональным группам и их лидерам вмешиваться в «политику», отвлекавшую последних от их прямых «духовных» обязанностей⁴⁹.

Другой материал, вышедший почти через год, также обращается к вопросу об армянском духовенстве. После того как гражданские власти в 1885 г. закрыли армянские церковно-приходские школы, среди армянского населения начались протесты. В публикации на эту тему высказывается уверенность в политической ангажированности армянских священнослужителей в Российской империи:

Армянской революции – слава Аллаху – нет, но несомненно есть интрига армянского духовенства, интрига неблагодарная и не делающая чести руководителям армян⁵⁰.

⁴⁶ Новое время (Санкт-Петербург). 1884. № 2949 (15 мая). С. 1.

⁴⁷ *Крбежян В.Г.* Армянский вопрос на Берлинском конгрессе. С. 25, 34.

⁴⁸ *Suny R.G.* Looking toward Ararat. P. 25; *Werth P.W.* The Tsar's Foreign Faiths. P. 131; *Riegg S.B.* Russia's Entangled Embrace. P. 134.

⁴⁹ Разграничение «духовных» и «политических» дел было важной проблемой для чиновников второй половины XIX в. Имперские функционеры пытались очертить сферу автономии конфессиональных сообществ от вмешательства светской власти. То, что оказывалось за пределами этой границы, попадало в категорию «политических» дел и, соответственно, входило в непосредственное ведение государства. В большинстве случаев право определять, где проходит эта граница, принадлежало представителям верховной власти. Подробнее об этом см.: *Werth P.W.* The Tsar's Foreign Faiths. P. 261–262.

⁵⁰ Закрытие армянских школ // Новое время (Санкт-Петербург). 1885. № 3248 (14 марта). С. 1–2.

По мнению этого автора, российская власть демонстрировала огромное терпение и великодушие в ответ на желание армянского духовенства получить больше привилегий, чем им уже было предоставлено, – иными словами, перейти в сферу «политического»⁵¹.

«Московские ведомости» заслуживают отдельного внимания, как минимум благодаря фигуре главного редактора М.Н. Каткова. Еще в 1860-е гг. он одним из первых высказывался о рисках для российской власти на Кавказе, исходящих от наднационального статуса главы армянской церкви⁵². В 1870-е гг. «Московские ведомости» включились в дискуссию по поводу Закавказского транзита – беспошлинного провоза товаров по пути Поти – Тифлис – Джульфа⁵³. После запуска Закавказской железной дороги в 1872 г. количество европейских товаров, направлявшихся в Персидскую империю, росло с каждым годом, в то время как объемы перевозок российских товаров оставались на прежнем уровне⁵⁴. Интерес к теме в 1880-е гг. подогревался тем, что в 1883 г. заканчивались строительные работы на железнодорожном участке между Тифлисом и Баку. Против Закавказского транзита активно выступало московское купечество, утверждая, что функционирование транзита несовместимо с интересами российской торговли и промышленности.

По мнению авторов «Московских ведомостей», главными бенефициарами транзита были армяне, которые традиционно имели значительный вес в торговле в Каспийском и Черноморском регионах. Так, вокруг экономических вопросов постепенно формировались дискурсы о национально-политических угрозах. Подобную ситуацию описал Михаил Агапов в контексте продвижения предпринимательских проектов на европейском севере в 1860–1870-е гг. Историк связывает «национализацию» коммерческого дискурса с

⁵¹ Заккрытие армянских школ // Новое время (Санкт-Петербург). 1885. № 3248 (14 марта). С. 2.

⁵² Werth P.W. The Tsar's Foreign Faiths. P. 149, 159–160.

⁵³ Подробнее см.: Атаев Х.А. Торгово-экономические связи Ирана с Россией в XVIII–XIX вв. Москва: Наука, 1991; Куканова Н.Г. Очерки по истории русско-иранских торговых отношений в XVII – первой половине XIX века (По материалам русских архивов). Саранск: Мордовское государственное издательство, 1977; Корноухова Г. Российские экспортеры в Иран VS закавказский транзит европейских товаров в начале 1880-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21, № 4. С. 556–567. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-556-567>

⁵⁴ Корноухова Г. Российские экспортеры в Иран VS закавказский транзит европейских товаров в начале 1880-х гг. С. 560.

символическим «присвоением» частей имперского пространства⁵⁵. При этом тропы о «заговоре» и «врагах» позволяли не только разграничить «своих» и «чужих» в конкурентной борьбе, но и обосновать текущие неудачи⁵⁶. Для «Московских ведомостей» кавказская торговля стала ареной геополитической борьбы, где на кону стоял вопрос российского присутствия на Кавказе. С одной стороны, угроза, исходящая от армянина-торговца, не была открытием – дискуссии о благонадежности и пользе армянских купцов велись в Российской империи с начала XIX века⁵⁷. С другой, этот устойчивый мотив стал обрастать новыми смыслами в связи с ростом националистических настроений.

Неясно, когда именно на страницах «Московских ведомостей» возник «армянин-купец», действующий вразрез с интересами Российской империи, – это требует знакомства с более ранними публикациями. В выпусках 1882 г. эта тема впервые появилась в статье постоянного кавказского корреспондента газеты «С. Р.». По его версии, главные защитники транзита были очевидны:

Да полно, гибнут ли тут действительно какие-нибудь *фирмы* (курсив автора. – А. Н.), достойные поддержки, удаление которых в Турцию или в иное место было бы не желательно и прискорбно? Сколько мы знаем, это *фирмы* (курсив автора. – А. Н.) еврейские и армянские, представляющие мало солидных нравственных гарантий⁵⁸.

Как и в случае других окраин, например, Дальнего Востока⁵⁹, образ еще одного *аутсайдера* – «еврея» – оказался удобной конструкцией, чтобы обозначить яркого местного *Другого*. Благодаря С. Р., «армянин» не только встал в один ряд с «евреем», но и вобрал в себя все стереотипно «еврейские» черты неэтичного предпринимателя, например, получение дохода от аренды, разорение землевладельцев (в данном контексте, грузинских) и открытие кабаков (духанов)⁶⁰. Но главная опасность армян, по мнению тифлисского

⁵⁵ Аганов М. «Заговор» Против Севера России: Национализация предпринимательского дискурса в 60-е гг. XIX в. // Ab Imperio. 2019. № 4. С. 73. <https://doi.org/https://dx.doi.org/10.1353/imp.2019.0113>

⁵⁶ Аганов М. «Заговор» Против Севера России. С. 85, 87.

⁵⁷ Riegg S.B. Russia's Entangled Embrace. P. 79–80.

⁵⁸ С. Р. Из Тифлиса // Московские ведомости (Москва). 1882. № 344 (12 декабря). С. 2.

⁵⁹ Аналогичная ситуация наблюдалась и на Дальнем Востоке, где китайцев в местной прессе называли «евреями» за несоблюдение неписаных правил, принятых среди других, конкурирующих с ними, предпринимателей. См.: Glebov S. Between Foreigners and Subjects. P. 114–115.

⁶⁰ С. Р. Из Тифлиса // Московские ведомости (Москва). 1882. № 344 (12 декабря). С. 2. Подробнее о дискурсах о евреях в Российской империи см.: Avrutin E.M. Jews and the Imperial

корреспондента, была в том, что армяне чрезмерно пользовались благами, дарованными империей, при этом посягали на российский суверенитет:

Они (армяне. – *А. Н.*) собирают капиталы, завладевают всею торговлей на Кавказе и на Босфоре, скупают дома, сады и имения в Тифлисе и Кахетии, разрабатывают и распространяют посредством периодических изданий и школ свой язык, недавно еще полумертвый и забытый населением... везде они составляют «государство в государстве», не сливаются с господствующим народом, эксплуатируют его в свою пользу⁶¹.

В передовых статьях уже М.Н. Катков настаивал на том, что существенное присутствие армян в региональной торговле представляло государственную угрозу⁶². И для Каткова, и для С. Р. было очевидно, что армяне стремятся выйти из российского подданства и создать собственное государство на Южном Кавказе, вероятно по примеру Болгарского Княжества. В целом риторика «Московских ведомостей» опиралась на готовые образы и конструкции, перенося их с одной окраины на другую. То, как главный редактор и корреспонденты описывали кризисы кавказского управления, весьма напоминало риторику «польского вопроса»⁶³. Авторы возлагали вину за недостаточные успехи кавказского хозяйства на «армянскую партию» и ее некоего европейского союзника⁶⁴.

State: Identification Politics in Tsarist Russia. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2010. P. 109, 130; *Норкина Е.С.* А.М. Дондуков-Корсаков и еврейский вопрос в Российской империи // Тирош. Труды по иудаике, славистике, ориенталистике. 2019. Вып. 19. С. 191–192. <https://doi.org/10.31168/2658-3380.2019.19.4.1>

⁶¹ *С.Р.* Из Тифлиса // Московские ведомости (Москва). 1884. № 40 (9 февраля). С. 4–5.

⁶² *Катков М.Н.* Москва // Московские ведомости (Москва). 1883. № 133 (15 мая). С. 2; *Катков М.Н.* Москва // Московские ведомости (Москва). 1883. № 144 (25 мая). С. 3; *Катков М.Н.* Москва // Московские ведомости. // Московские ведомости (Москва). 1884. № 282 (11 октября). С. 3.

⁶³ *Renner A.* Defining a Russian Nation: Mikhail Katkov and the “Invention” of National Politics // *The Slavonic and East European Review*. 2003. Vol. 81, no. 4. P. 974. <https://dx.doi.org/10.1353/see.2003.0097>. Само слово «поляк» периодически использовалось в отрыве от этнических коннотаций. Как замечает Михаил Долбилов, «поляк» был образом, вбирающим в себя смыслы политической нелояльности, неисправимой нерусскости. См.: *Долбилов М.* Поляк в имперском политическом лексиконе // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода / под редакцией А. Миллера, Д. Сдвижкова, И. Ширле. Москва: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 2. С. 310.

⁶⁴ Идея о том, что антиправительственные движения вдохновлены из-за границы, была в XIX в. характерна не только для Российской империи. На дискурсивном уровне в международной политике была предусмотрена скрытая сфера отношений, в которой

Корреспонденты С. Р. и П.А. Кулаковский («Р.») даже обнаружили «польскую интригу» в том, что армяне противились русской колонизации Кавказа⁶⁵ и предпочли изучение родного языка в школах в ущерб русскому⁶⁶. Проблема казалась более вопиющей, поскольку армяне не только сопротивлялись интеграции⁶⁷, но и потворствовали Британской империи – главному сопернику Российской империи на Ближнем Востоке в этот период. Так, С. Р. писал, что

среди армян как Закавказья, так и Турции давно заметно сепаратистское движение, стремление к политическому обособлению, под главенством патриарха католикоса, со столицей в Эчмиадзине, под британским протекторатом⁶⁸.

«Московские ведомости», в отличие от проанализированных выше изданий, не отрицали политические интересы Эчмиадзинского католикосата и обвиняли католикоса в том, что он претендовал на роль «папы» для армян⁶⁹. Однако «армянскому вопросу» существенно не хватало остроты, чтобы завладеть вниманием публики. Наибольший вклад в развитие дискурса о потенциальном армянском сепаратизме вносил С. Р., заявлявший о политических амбициях армянского духовенства и претензии католикоса на роль политического лидера среди националистов. Российская общественность по большому счету не имела представлений о том, какую роль ее правительство отводило католикосу во внешней политике и какие дискуссии на этот счет велись в кругах высшего чиновничества⁷⁰. Я подозреваю, что такая неосведомленность позволяла авторам газетных материалов более смело высказываться о судьбе католикосата. После того как результаты выборов нового главы армянской церкви в 1884 г. были отменены, С. Р. предложил вообще упразднить титул

совершались политические преступления, направленные на ослабление конкурирующих государств. *Borisova T. Imperial legality through 'Exception'.* P. 449.

⁶⁵ С. Р. Из Тифлиса // Московские ведомости (Москва). 1883. № 133 (15 мая). С. 3.

⁶⁶ Р. Из Тифлиса // Московские ведомости (Москва). 1883. № 36 (5 февраля). С. 3.

⁶⁷ Катков М.Н. Москва // Московские ведомости (Москва). 1883. № 133 (15 мая). С. 2.

⁶⁸ С.Р. Из Тифлиса // Московские ведомости (Москва). 1885. № 111 (24 апреля). С. 3–4. Этот же автор упоминал об английской поддержке армянских националистов в статьях: С. Р. Из Тифлиса // Московские ведомости (Москва). 1882. № 344 (12 декабря). С. 2; С. Р. Из Тифлиса // Московские ведомости (Москва). 1884. № 40 (9 февраля). С. 4–5; С. Р. Из Тифлиса // Московские ведомости (Москва). 1885. № 111 (24 апреля). С. 3–4.

⁶⁹ С. Р. Из Тифлиса // Московские ведомости (Москва). 1884. № 150 (1 июня). С. 4.

⁷⁰ Werth P.W. The Tsar's Foreign Faiths. P. 159–162.

Католикоса всех армян, ибо тот мог угрожать целостности Российской империи⁷¹.

Таким образом, консервативные газеты в большей степени, чем либеральные, были обеспокоены тем, что государственная власть на отдельных территориях не имела надежной опоры. По их мнению, *аутсайдеры* системы или пользовались необоснованными привилегиями, или отказывались входить в нее на общих основаниях и, более того, бросали вызов империи. В частности, консервативные авторы легче политизировали конфессиональную принадлежность. «Московские ведомости» интерпретировали попытки армян отстаивать свои привилегии или культурную самобытность как проявление организованного армянского националистического движения, возглавляемого церковью. Ситуация усугублялась риторикой предательской неблагодарности армян (вновь ассоциации с «польским вопросом») и содействия им со стороны Британской империи, желавшей потеснить Россию в южном Причерноморье и Средней Азии.

Заключение

Середина 1880-х гг. стала первым периодом, когда российская публика Санкт-Петербурга и Москвы обсуждала в печати явное напряжение отношений между правительством и армянскими подданными империи. В отличие от северокавказских горцев, в отношении которых в российском обществе уже успели сформироваться определенные клише и шаблоны, христианское население Южного Кавказа в XIX в. представлялось более понятным для русских и еще не обросло устойчивыми стереотипами о непокорности, взбалмошности и агрессивной непредсказуемости⁷². Следовательно, можно предположить, что ко второй половине столетия «армянофобия» не имела глубоких корней в ядре империи, а наблюдения и выводы газетных корреспондентов формировались как реакция на актуальные события, вроде упразднения Кавказского наместничества или ликвидации Закавказского транзита.

Для всех изданий: «Голоса», «Русских ведомостей», «Московских ведомостей» и «Нового времени» – была очевидна отчужденность Кавказа от основного пространства империи, да и в целом режим правового патрикуляризма не находил поддержки. Тем не менее, среди газетных авторов не было консолидированного мнения насчет причин и способов выхода из этой

⁷¹ Werth P.W. The Tsar's Foreign Faiths. P. 159–162.

⁷² Grant B. The Captive and the Gift: Cultural Histories of Sovereignty in Russia and the Caucasus. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2009. P. xii.

ситуации. Публичная сфера была децентрализованной, а ее участники, несмотря на цензурные ограничения 1881–1882 гг., могли выбирать источники информации⁷³.

Усиление правительственного курса на слияние края с внутренними российскими губерниями после отмены наместничества подтолкнуло публику к дебатам об интеграции окраин, роли чиновников и нерусского/неправославного населения в этом процессе. Все газеты так или иначе рефлексировали о том, что у верховной власти отсутствовала прочная опора на южных окраинах и что акторы, на которых эта роль была возложена, не справлялись со своей миссией. С точки зрения консервативных газет, потребности Российской империи шли вразрез с интересами некоторых «иноверцев», которые часто игнорировали свои обязанности перед государством, при этом, пользуясь необоснованными привилегиями, претендовали на все бóльшие права. Решением проблемы могла, по мнению корреспондентов, стать насильственная аккультурация и русская колонизация, чтобы разбавить ненадежный «туземный» компонент Кавказского края. «Московские ведомости» активнее оперировали категориями национальных различий в сравнении с другими изданиями. Вероятно, в случае с газетой Каткова совпали два фактора: выработанные за время дискуссий о «польском вопросе» оптика и язык описания для политически активных *Других* и активная работа корреспондентов, находившихся на Кавказе. По мнению либеральной прессы, ответственность за кризис лежала на кавказской администрации (местном центре «цивилизованности»), где не доставало компетентных и высокоморальных служащих. Неквалифицированные кадры не только нарушали принципы законности на окраине, но и компрометировали российскую власть в глазах местного населения. В свою очередь, низовая мобилизация населения, в логике этих газет, не противоречила лояльности армян царю.

В российской публичной сфере начала 1880-х гг. «армянский вопрос» был одним из многих «национальных вопросов», если понимать его как отношения между системой и *аутсайдером*. Либеральная пресса настаивала на уравнивании свобод армян, но помещала их на нижние позиции в культурной иерархии. Консервативная пресса указывала на неполное выполнение армянами своих обязанностей перед государством и, более того, на использование дарованных царем прав против государственных интересов. Эти конкурирующие позиции основывались на одних и тех же фактах политической

⁷³ К схожим выводам о функционировании публичной сферы в царствование Николая I приходит и Урушадзе. См.: Урушадзе А.Т. Кавказская война в российской публичной сфере (1801–1864). С. 101.

жизни империи и статьях законодательства – авторы выборочно продвигали привлекательные для них идеи в публичной сфере. Общественные дискуссии показывают не только наличие противоречивых дискурсов, но и то, что смыслы, извлекаемые из правовых документов, новостей и других источников, не являются неизменными⁷⁴. Групповая субъектность армян создавалась в процессе взаимодействия, обретала наполнение в печатной дискуссии как реакция на различные события. Так же и суть «гражданства» или «режима имперских прав» в дореволюционной России оказывалась зависимой от коллективного воображения.

⁷⁴ Кирмзе Ш.Б. Империя законности. С. 205–206.

Introduction

In December 1882, Catholicos Kevork IV died. He was the head of the Armenian Gregorian Church and his residence had been located in the Etchmiadzin Cathedral in the Russian Empire since 1828. The throne of the Patriarch of All Armenians remained vacant for more than two years, until 1885. This fact made the highest Russian officials reconsider the relationship between the Russian Empire and its Armenian subjects, as well as between the Armenian Church and the supreme authority.¹ However, the death of the church leader and the reforms of the Caucasian administration were of interest not only to the bureaucrats. The Russian public in the two capitals began to discuss the limits of imperial power in the South Caucasus and the situation of the local adherents of different faith.

The authors of the St Petersburg and Moscow newspapers tried to find a balance between the mutual responsibilities of the state and its non-Orthodox subjects. Regardless of its ideological views, the press welcomed the abolition of Caucasus Viceroyalty with its particular regional administration. According to the correspondents, the particularism caused problems for the stability of imperial power and the daily lives of the local population. Therefore, the “amalgamation” of the Caucasus was a desirable goal, fraught with the inevitable difficulties such as integration and acculturation of the local population.² The public considered the subordination of the branches of the Caucasian administration to the ministries to be a correct but insufficient measure; articles and notes named various aspects of life in the outskirts that required transformations. Despite the agreement on that issue, liberal and conservative newspapers offered different projects on the reconstruction of the imperial system, which touched the discourses about Armenians.

While preparing this publication, I used a selection of press articles on the Armenian Question (1882–85). My goal was to show how the Russian-speaking public in St Petersburg and Moscow interpreted the concept of citizenship in relation to the outlying population; how the rights and responsibilities of Armenians were perceived in the collective imagination of the “center” residents; how the Armenian

¹ For more on the elections, see P.W. Werth, *The Tsar's Foreign Faiths: Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia* (New York: Oxford University Press, 2014); A.T. Urushadze, “Armenian Catholicos in the System of Government of the Russian Empire: Limits and Contradictions of Integration” [in Russian], *Khristianstvo na Blizhnem Vostoke*, vol. 7, no. 2 (2023): 183–202, <https://doi.org/10.24412/2587-9316-2023-00170>

² As Jane Burbank points out, legal particularism was a constant source of criticism for the supporters of reform in the mid-19th century. Throughout the imperial period, the discourse of “consolidation” was a project that was sporadically addressed by various actors. See J. Burbank, “An Imperial Rights Regime: Law and Citizenship in the Russian Empire,” *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, vol. 7, no. 3 (2006): 418, <https://dx.doi.org/10.1353/kri.2006.0031>

Question was used by newspaper authors to express their opinions on the imperial system and what changes they proposed.

The “Armenian Question” in the Romanov Empire and the “imperial rights regime”

In the early 1880s, the public discourse on Armenians as subjects of the Russian Empire was just beginning to emerge, and major conflicts between Armenians and the Russian government arose later. As a result, unlike the situation in the Ottoman Empire,³ there was no consensus in the press regarding the Russian “Armenian Question.” Despite this fact, the question itself reveals the topics related to a specific ethno-religious group that is positioned outside the system of power and privilege, making it *an outsider* or *the Other*.⁴ In her highly insightful study, Holly Case considers the “question” as a tool of thought and public discourse in the 19th century. She identifies two major discourses on national questions. The first one aims to make the boundary between the system and *the outsider* even more obvious, as was the case with the Poles after the uprisings of the 1830s and 1860s. The second discourse is based on the ideas of equality and the right to belong to the system and participate

³In the Ottoman Empire, the content of the Armenian Question was officially formulated during the Congress of Berlin. In the early 1880s, its “solution” ranged from reforms in the Christian provinces and protection of Armenians from brigandage in Anatolia to the establishment of an independent Armenian state.

For more details, see R.G. Suny, *Looking toward Ararat: Armenia in Modern History* (Bloomington: Indiana University Press, 1993); V.G. Krbekyan, “The Armenian Question at the Congress of Berlin” [in Russian], *Vestnik obshchestvennykh nauk*, no. 2 (2002): 25–45, accessed November 30, 2024, <https://arar.sci.am/dlibra/publication/42855/edition/38388/content>. As for the newspapers studied, regardless of their political orientation, they supported these reforms and were aware of the tension related to their implementation. However, the Armenian problem was not urgent enough to keep the public’s attention for a long time. Consequently, by 1885, discussions about another legacy of the Congress of Berlin – Eastern Rumelia – had gradually replaced this issue. Eastern Rumelia had been an autonomous region of the Ottoman Empire since 1878, but it became part of the Principality of Bulgaria in 1885.

⁴Stefan Kirmse uses a similar analytical concept of minorities. He points out that in the Russian Empire of the second half of the 19th century, Armenians (referred to as “Tatars” in his study) might constitute the majority of the population in certain regions. However, they were not a privileged group within the state and faced various forms of discrimination. See S.B. Kirmse, *The Lawful Empire: Legal Changes and Cultural Diversity in Late Tsarist Russia* [in Russian], trans. A. Lange (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023), 29.

in it.⁵ These two ways of asking the questions and answering them not only coexisted but also required the same thing: the transformation of the system itself.⁶

In my opinion, this theoretical framework provides a good basis for analyzing the discourses of the metropolitan public about the Armenian population in the second half of the 19th century. I proceed from the premise that by examining competing statements within the question, one can discover a range of similar opinions not only about the state's attitude to the peripheries and their populations but also about broader issues of power structure, which concern the authors and the readers. In this article, I will further attempt to demonstrate how the educated public sought to reorganize the imperial space and its foundations through the statements about the rights and responsibilities of Armenians.

As for historiography, the greatest interest in the topic of citizenship occurred at the beginning of the 21st century, when many researchers wondered whether citizenship is possible in political systems without civil equality.⁷ The most active participant in this discussion, historian Eric Lohr, noted that citizenship in its conventional sense is an ideal and unattainable type of relationship that neither late imperial Russia nor any other state is able to match.⁸ Nevertheless, Lohr believes that the Russian Empire turned its subjects into citizens by making progressive forward moves.⁹ The Great Reforms eroded the old categories of difference at the level of discourse and practice, while the rights guaranteed by law expanded and became universal. However, as demonstrated by J. Burbank, A. Morrison, S. Glebov, S. Kirmse, and T. Borisova, the modernist ideas of equality and freedom did not exclude the legal differentiation of the imperial subject.¹⁰ The “imperial rights

⁵ H. Case, *The Age of Questions: Or, A First Attempt at an Aggregate History of the Eastern, Social, Woman, American, Jewish, Polish, Bullion, Tuberculosis, and Many Other Questions over the Nineteenth Century, and Beyond* (Princeton: Princeton University Press, 2018), 46.

⁶ Case, *The Age of Questions*, 46.

⁷ E. Lohr, “The Ideal Citizen and Real Subject in Late Imperial Russia,” *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, vol. 7, no. 2 (2006): 173–74, <https://dx.doi.org/10.1353/kri.2006.0021>

⁸ Lohr, “The Ideal Citizen,” 173–74.

⁹ Lohr, “The Ideal Citizen,” 177, 181.

¹⁰ Burbank, “An Imperial Rights Regime,” 397–431; A. Morrison, “Metropole, Colony, and Imperial Citizenship in the Russian Empire,” *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, vol. 13, no. 2 (2012): 327–64, <https://dx.doi.org/10.1353/kri.2012.0016>; S. Glebov, “Between Foreigners and Subjects: Imperial Subjecthood, Governance, and the Chinese in the Russian Far East, 1860s–1880s,” *Ab Imperio*, no. 1 (2017): 86–130, <https://dx.doi.org/10.1353/imp.2017.0005>; T. Borisova, “Imperial Legality Through ‘Exception’: Gun Control in the Russian Empire,” *Journal of Modern European History*, vol. 19, iss. 4 (2021): 448–68, <https://doi.org/10.1177/16118944211051853>; Kirmse, *The Lawful Empire*.

regime” implied that the state provided collectives with rights and responsibilities, which made it possible for even lower subjects to participate in governance and to protect their rights.¹¹ Moreover, the more attention is paid to practices, the clearer the particularism of the legal system becomes.

It should be noted that the sources and their specific features have a significant impact on the conclusions about citizenship in the Russian Empire. For example, the theorists who study citizenship tend to emphasize the expansion and equalization of subjects’ rights, while the practitioners of public administration focus on the responsibilities.¹² As for me, I am interested in competing statements about the rights and responsibilities of the Armenian population of the South Caucasus outside the laws or courtrooms. I would like to focus on how the group identity of the non-Russian / non-Orthodox population of the Russian Empire is perceived in public press discussions. The key feature of those sources is that the same events (news) led to different discourses depending on the periodical.

Sources

The public whose opinion I study is a literate, mainly urban stratum of population who read newspapers and occasionally engaged in press discussions. My primary sources were the four major newspapers of the early 1880s published in St Petersburg and Moscow: *Golos* (St Petersburg), *Russkie vedomosti* (Moscow), *Novoe vremya* (St Petersburg) and *Moskovskie vedomosti* (Moscow). All four editions were classified as universal newspapers. They were distinguished by the variety of publications; their editors published government orders, news of the capital, other imperial cities and foreign countries as well as reports of telegraph agencies, analytical articles, literary works, cultural news, interviews, and advertisements.¹³ The newspapers I have selected had the largest circulation during the period under study, from 12 to 25 thousand copies per day.¹⁴ The large periodicals received

¹¹ Burbank, “An Imperial Rights Regime,” 400, 410.

¹² Lohr, “The Ideal Citizen,” 175–76.

¹³ E.S. Sonina, *St Petersburg Universal Newspaper of the late 19th century* [in Russian] (St Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2004), 10–11; L. McReynolds, *The News under Russia's Old Regime: The Development of a Mass-Circulation Press* (Princeton: Princeton University Press, 1991), 292.

¹⁴ The daily circulation of the *Russkie vedomosti* averaged from 12 to 14 thousand copies, reaching 20 thousand copies in 1882. The circulation of the *Golos* before its closure in February 1883 ranged from 19.5 to 25 thousand copies per day.

“Otchet o deyatel'nosti S. Peterburgskogo Tsenzurnogo Komiteta za 1882 g.” [Report on the activities of the St Petersburg Censorship Committee for 1882]. F. 776, op. 20, d. 548, l. 124 ob. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive] (RGIA), St Petersburg, Russia; “Otchet o deyatel'nosti Moskovskogo Tsenzurnogo Komiteta za 1883 g.” [Report on the activities of the Moscow Censorship Committee for 1883]. F. 776, op. 20, d. 645,

information from their correspondents, telegraph stations, from the Russian and foreign press. Through mutual citation and public discussions in the press, the readership of one newspaper could learn about the content of other editions. Thus, the information fields of press organs intersected and created a discursive space that extended beyond St Petersburg and Moscow to other regions within and outside the empire.¹⁵

A recent publication by Amiran Urushadze on the representation of the Caucasian War in the Russian public sphere in the first half of the 19th century offers an attractive perspective for comparison. According to the researcher, in contrast to the events in Europe, for the public who gathered around social salons, periodicals, and literary works, the problems of the integration of the southern outskirts, including the Caucasian War, were largely in the periphery of attention.¹⁶ Despite the end of the Caucasian War, the abolition of pre-publication censorship (1865), the development of the mass press, and the acceleration of information flow, the public sphere in the 1880s shared several similarities with the era of Nicholas I. The Russian public interested in the Caucasus occasionally, and that interest was influenced by government policy and its changes.¹⁷ Even after the wartime restrictions were lifted, opinions from the southern outskirts hardly reached the “center,” fighting for space in the newspaper columns with the British occupation of Egypt or the death of French Prime Minister Leon Gambetta. Nevertheless, despite the limitations, the public sphere remained a space of informal political competition throughout the century. However, by the end of the century, as we will see, the number of participants in the discussions about the Caucasus had increased, and the list of issues related to the region’s integration had become more detailed.

For this study, the selection of sources was chronologically limited to the period when the post of the head of the Armenian Gregorian Church was vacant, i.e. from December 1882 to the first half of 1885. The purpose of this decision was to reveal to which of the limited number of events (news) over a short period of time the correspondents responded and to see what they wrote about them.

Il. 121, 143. RGIA. According to Louise McReynolds, the daily circulation of the *Novoe vremya* was about 20 thousand copies. See McReynolds, *The News under Russia’s Old Regime*, 292.

¹⁵ Yu.A. Safronova, *Russian Society in the Revolutionary Terrorism. 1879–1881* [in Russian] (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014), 110–11. The most frequently cited news sources about the Armenians abroad were the newspapers *Politische Correspondenz* (Vienna); *Times*, *Standard*, *The Daily News* (London). The Armenian-language newspapers *Meghu Hayastani*, *Mshak* and *Ardzagank* were the local Caucasian editions cited most frequently.

¹⁶ A.T. Urushadze, “The Caucasian War in the Russian Public Sphere (1801–1864),” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 8, no. 1 (2024): 87, 89, 91, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-3>

¹⁷ Urushadze, “The Caucasian War in the Russian Public Sphere,” 96.

Armenians in Russia and “Russian” Armenians

Armenians had lived in different parts of the Russian Empire for several centuries; their community was known to have extensive international connections and received privileges from the Russian tsars for conducting trade.¹⁸ In 1828, when the Russo-Persian War was over, the Erivan and Nakhichevan khanates became part of the Russian Empire. Although their population was predominantly Muslim, the incorporation of these territories resulted in the appearance of a significant number of Armenians in the Russian Empire. The next major influx of Armenians occurred due to the Russo-Turkish War of 1877–78 and the annexation of Ottoman territories including the cities of Kars, Batumi, and Ardahan.

In the early 1880s, the consequences of the recent war and the extensive reform of the Caucasian administration caused a debate about the position of the Russian Empire in the region and its ongoing rivalry with the Ottoman, Persian, and British Empires. The newspapers *Golos*, *Russkiye vedomosti*, *Novoe Vremya*, and *Moskovskie vedomosti* expressed various views on the Romanov’s power in the Caucasus. Depending on the editors’ and correspondents’ perception of the southern outskirts, opinions on the rights and responsibilities of the non-Orthodox population, including the Armenians, were specific. During that period, all editions accepted the idea of the Caucasus’s separation from the empire, but their conclusions varied.

During the period under study (1882–85), reforms were carried out to change the specific legal status of the Caucasus region.¹⁹ The educational aspect of those reforms was particularly acute for the Armenian Gregorian Church and its community. Since the 1870s, Russian officials had been attempting to reduce the autonomy of Etchmiadzin in the school system although it was guaranteed by the 1836 Statute.²⁰

¹⁸ For more, see Suny, *Looking toward Ararat*, 32–35; S.B. Riegg, *Russia’s Entangled Embrace: The Tsarist Empire and the Armenians, 1801–1914* (Ithaca; New York: Cornell University Press, 2020), 12–13.

¹⁹ For more on these transformations, see A.V. Remnev, *Autocratic Government: the Committee of Ministers in the Russian Empire’s system of Higher Administration (in the Second Half of the 19th and the Early 20th Century)* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 2010), 286–91.

²⁰ *Regulations on the Administration of the Armenian Gregorian Church in Russia* (1836). According to the *Regulations*, the Armenian Gregorian diocesan authorities were responsible for overseeing the Armenian Church schools, including their funding, teaching system, and the relationship between teachers and students.

“975. On the Administration of Spiritual Affairs of Armenian Gregorian Christians” [in Russian], in *Code of Laws of the Russian Empire*, vol. 11, bk. 3, pt. 1, *Statutes on the Spiritual Affairs of Foreign Confessions* (St Petersburg: Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoi E.I.V. Kantselyarii, 1857), 183.

For more on the development of rules for Armenian Gregorian parish schools in the 1870s, see Riegg, *Russia’s Entangled Embrace*, 183.

After the abolition of the viceroyalty, the Caucasus Educational District came under the jurisdiction of the Ministry of Public Education. In 1883, the employees started to develop new rules for Armenian parish schools, which expanded the educational control in the district. The rules entered into force on February 16, 1884, but the Etchmiadzin Synod refused to accept them as there was no Catholicos. In response to the disobedience of the high clergy and local school administrators, the Caucasian administration closed 169 schools using police force in February 1885.²¹ Thanks to negotiations between the newly elected Catholicos Makar I and Russian officials, schools officially reopened in 1886.²²

This was the first time that the conflict between the Armenian Gregorian Church and the Russian government became the subject of public discussion. However, one should not overestimate the awareness of the St Petersburg and Moscow public about the Caucasian realities and the situation of Armenians and the Armenian Gregorian Church. Moreover, the principle of legal differentiation required knowledge about the groups of subjects for whom the laws were intended.²³ We should keep in mind that the public in St Petersburg and Moscow did not have comprehensive knowledge about the Caucasus and its population due to its geographical distance, fluctuating interest, and the nature of information sources. Moreover, as it will be shown later, the “Armenian” issues that concerned high-ranking officials were not covered in the press.

The liberal press: In search of good officials

The liberal newspapers *Golos* and *Russkie vedomosti* emphasized the prevailing obligations of the imperial state towards its subjects. This idea was based on two interconnected factors. Firstly, both newspapers did not see any reason to fear for the integrity of the empire or for the stability of its borders, particularly in the Caucasus. Secondly, the Armenians, together with other non-Russian (non-Orthodox) subjects, formed a separate community that held a low position in the hierarchy of civilizational development. Such ethno-religious groups were more likely to require care than to threaten the government or social order.

One of the authors contributed an article to the *Golos* on the occasion of the memorial service for Catholicos Kevork at the St. Catherine Armenian Cathedral in St Petersburg. He wrote that Armenians are one of the numerous “nationalities that

²¹ “Durnovo I.N. O protivozakonnom bezdeistvii Echmiadzinskogo Sinoda po delu ob armyanskikh tserkovnykh shkolakh na Kavkaze, 23 maya 1885 goda” [Durnovo I.N. On the illegal inaction of the Etchmiadzin Synod in the case of Armenian Church Schools in the Caucasus, May 23, 1885]. F. 821, op. 11, d. 60, l. 114. RGIA.

²² Werth, *The Tsar’s Foreign Faiths*, 160.

²³ Burbank, “An Imperial Rights Regime,” 421.

inhabit our vast homeland.”²⁴ This text is representative in many respects, as it reflects the general attitude spread by the liberal press. The author of “Petersburg Notes” created a romantic narrative about the “unenviable historical fate” of the Armenians, for whom the patronage of the Christian tsar – as a result of divine providence – was a reward for the centuries of “Muslim yoke.”²⁵ Unlike the conservative newspapers, the *Golos* and *Russkie vedomosti* avoided the idea of conquest in relation to the South Caucasus. Therefore, the liberal authors represented the expansion of the Russian borders in the Caucasus as a natural implementation of the empire’s mission. According to the *Russkiye vedomosti*, oppressed by “Asiatic” “barbarians,” Armenians had consciously chosen the Russian Empire along with other European powers for their own prosperity.²⁶

Another part of “Petersburg Notes” from the *Golos* is also noteworthy:

Not far from these two “officials” (M.T. Loris-Melikov and N.P. Ignatiev. – A. N.), stood the creator of the Bulgarian constitution, Prince Dondukov-Korsakov, who was now responsible for the new organizational work – not at the foot of the Balkans, but among the mountains of the Caucasus. . .²⁷

At that time, A. Dondukov-Korsakov had just taken over the administration of the Caucasus, after being appointed a chief of the Civil Department. It is noteworthy that the author puts the creation of the Tarnovo Constitution of the Principality of Bulgaria (1879) as a key merit of this experienced official. In the early 1880s, Dondukov-Korsakov assessed the final text of the main law as “too liberal” for the Bulgarians, who had just created their own state and had no relevant historical experience.²⁸ However, the correspondent of the *Golos* expected that the new appointment of Dondukov-Korsakov would lead to similar activities for the Armenians whose rights would not need to be won on the battlefield.

Returning to the original statement about the separation of the Caucasus from the rest of the empire, it is necessary to consider the authors’ opinions on the reason for that situation. The canonical question “who is to blame?” is surprisingly relevant for

²⁴ “Petersburg Notes” [in Russian], *Golos* (St Petersburg), no. 351, December 25, 1882, 1.

²⁵ “Petersburg Notes” [in Russian], *Golos* (St Petersburg), no. 351, December 25, 1882, 1.

²⁶ “Moscow” [in Russian], *Russkie vedomosti* (Moscow), no. 296, October 25, 1884, 1.

²⁷ “Petersburg Notes” [in Russian], *Golos* (St Petersburg), no. 351, December 25, 1882, 1.

²⁸ “Dondukov-Korsakov A.M. Neskol'ko myslei i soobrazhenii po voprosu o bezotlagatel'noi neobkhodimosti korennykh preobrazovaniy administrativnykh organov mestnogo upravleniya v Rossii” [A.M. Dondukov-Korsakov. Some thoughts and considerations on the urgent need for root changes in the administrative bodies of local government in Russia]. F. 1317, op. 1, d. 58, l. 22–22 ob. RGIA.

this purpose. The *Golos* and *Russkie vedomosti* accepted the same point of view: that was the fault of the officials.

The state's missionary role required the bureaucratic apparatus to be morally and professionally competent. For example, in the aforementioned article, Dondukov-Korsakov is portrayed as someone who proved his suitability for a new appointment during his work on the Bulgarian constitution. However, in other cases, the relationship between the Russian government and the Armenian Church were ambivalent. On the one hand, the empire created conditions for the development of Armenian culture, but on the other hand, as the author of the obituary for the deceased Catholicos wrote,

The ardent efforts of Patriarch Kevork IV aimed at education of the Armenian people, instead of being encouraged and praised, faced obstacles due to bureaucratic exclusivity, which overlooked the vast field of public education where there was room for all the sowers.²⁹

Predictably, the correspondents blamed the abolished Caucasus Viceroyalty for all the negative phenomena. However, the quoted passage and other publications demonstrate the public expectations that government institutions should promote the prosperity of incorporated peoples or at least not hinder their independent and progressive development. The editorial in the *Golos* dated February 11, 1883 was entirely devoted to the criticism of the former viceroyalty, which, “lacking the ideas or the talented leaders,”³⁰ failed to reconcile its administrative principles with the local conditions. According to the newspaper, the incompetence of the Caucasian officials prevented the region from developing in accordance with the expectations of the progressive public, which demanded effective protection of private property, a modern judicial system and a developed trade and industry.³¹

The *Russkie vedomosti* also expressed concern about the conflict between the desired image of officials and reality. In response to the emigration of naturalized Kyrgyz to China and Armenians to Turkey, an anonymous author wrote that officials in the outlying regions were unable to bring “the benefits of civilization and attract these peoples to us, combining their progress with our benefits.”³² The very marking of Armenians as *non-believers* and Kyrgyz as *non-citizens* hinted that, regardless of history, faith or current lifestyle, the population of the Caucasus and Central Asia was easily labeled by the author as “Eastern” or “Asian.” It can be assumed that such

²⁹ “Moscow” [in Russian], *Russkie vedomosti* (Moscow), no. 296, October 25, 1884, 1.

³⁰ *Golos* (St Petersburg), no. 42, February 11, 1883, 1.

³¹ *Golos* (St Petersburg), no. 42, February 11, 1883, 1.

³² “Moscow” [in Russian], *Russkie vedomosti* (Moscow), no. 296, October 25, 1884, 1.

equalization of groups that had previously belonged to different categories in the imperial classification indicates a discursive shift described by John Slocum.³³ It is difficult to say for sure what the correspondent of the *Russkie vedomosti* knew about Armenians and Kyrgyz, expressing regret about their unsuccessful integration. However, the author's opinion is clear: both groups of non-citizens required more attention and effort from the government due to their *distinctiveness*.

It is interesting to study how the liberal newspapers viewed the position of the church head, the Catholicos of Etchmiadzin. This title provided the status of the primate of the Armenian diaspora around the world, but in the Russian Empire his authority was limited by the 1836 Statute. However, the authors of the obituaries about Kevork in the *Golos* (see above) and the *Russkie vedomosti* avoided that topic. For example, in a Moscow newspaper, lawyer G. Dzhanshiev ("G. D.") praised Kevork's educational activities. Nevertheless, creating the image of a priest-educator, Dzhanshiev never mentioned the state or the tsar, as the Catholicos' subjectivity was not limited by the boundaries of citizenship.³⁴

Another article describing the role of the Catholicos was published in February 1885 in the *Russkie vedomosti* after the Etchmiadzin Synod refused to accept the new rules for parish schools and the Caucasian administration closed these educational institutions. The newspaper reprinted an article from the *Kavkaz* newspaper. The author condemned the measures taken by the local authorities, since, in his opinion, solving the problems of the Armenian Church should have been postponed until the election of a new Catholicos, as he was the only person with whom the supreme authorities could discuss the fate of the "dark Armenian population."³⁵ The correspondent did not absolve the Synod members of responsibility because their activities were "contrary to their (Armenians'. – A. N.) real needs," because they did not explain the demands of the authorities to the clergy, and did not prevent disturbances.³⁶ The actions of civilian officials were described as inadequate, as they violated the established hierarchical structure of communication between the government and the Armenian community.

Let's summarize the preliminary results: the authors of the liberal editions *Golos* and *Russkie vedomosti* did not see any contradictions in the fact that, on the one hand, Armenians preserved and developed their language, faith and customs, and on the

³³ J.U. Slocum, "Who, and When, Were the *Inorodtsy*? The Evolution of the Category of "Aliens" in Imperial Russia" [in Russian], in *The Russian Empire in Foreign Historiography*, comp. P. Werth, P.S. Kabytov, and A.I. Miller (Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2005), 502–25.

³⁴ G. D., "Kevork IV, Catholicos of All Armenians (obituary)" [in Russian], *Russkie vedomosti* (Moscow), no. 343, December 15, 1882, 3.

³⁵ *Russkie vedomosti* (Moscow), no. 81, March 24, 1885, 2.

³⁶ *Russkie vedomosti* (Moscow), no. 81, March 24, 1885, 2.

other hand, they integrated into the imperial system. The main obstacle to that integration was the presence of local officials who were responsible for maintaining a balance between these two aspects. The solution to the problems was seen in the observance of the legal principles, primarily by civil officials. Similar ideas expressed by the two liberal newspapers demonstrate the confidence in the indivisibility of the Russian Empire and the conscious choice of non-Russian or non-Orthodox subjects to be part of it. The newspapers promoted romantic tolerance, but this openness to the culture of *the Other* was clearly colored by ideas about civilization and hierarchies. From this perspective, Armenians, even after their public disobedience to the authorities, appeared incapable of opposing Russian rule due to their cultural development.

The conservative press on the privileges of non-Christians

According to the conservative newspapers, the life on the imperial outskirts was less optimistic. The *Novoe vremya* and *Moskovskie vedomosti* expressed strong concerns about the isolation of the Caucasus region. Unlike the liberal authors, the conservatives blamed the situation not on the officials, but on the local Caucasian population. In their view, the weak civil authority in this region faced dangerous opponents: Armenians did not want to obey and they were ready to turn the benefits of “civilization” against the legitimate government. And there, the main difference between the liberals and the conservatives becomes obvious: this is the tactic of including *the outsiders* in the system. The rhetoric of the conservative authors was in line with the historical concept of nationalizing the empire, where national construction happens within the imperial core.³⁷ Consequently, non-Russian and non-Orthodox subjects were separated from the common imperial culture, as a result of which, they were expected to make efforts to acculturate themselves. In the second half of the 19th century, the degree of assimilation of “Russianness,” which was difficult to define, was frequently seen as an equivalent to political loyalty.³⁸ Unlike the conservatives, the liberals followed an ideal of European enlightenment that was not sensitive to national differences.

At the same time, the conservative editions of St Petersburg and Moscow assessed the risks posed by the non-Russian population differently. The political views of the newspaper *Novoe vremya* denied the possibility of disrupting the status quo in the

³⁷ A. Miller, and S. Berger, “Introduction: Building Nations in and with Empires – A Reassessment,” in *Nationalizing Empires*, ed. S. Berger, and A. Miller (Budapest: Central European University Press, 2015), 4.

³⁸ D. Saunders, “Russia and Ukraine under Alexander II: The Valuev Edict of 1863,” *The International History Review*, vol. 17, no. 1 (1995): 27–28, <http://dx.doi.org/10.1080/07075332.1995.9640700>

Caucasus. The position of the Russian Empire seemed so secure that the conquest of the Black Sea straits appeared as a matter of time.³⁹ The Russian and Ottoman Empires and Western European states were the main political actors in the region. Armenians and other ethno-religious groups were either invisible in the political arena or their interests were associated with one of the great powers.⁴⁰ A. Suvorin's newspaper even suggested the possibility of establishing an Armenian state similar to Bulgaria in Asia Minor.⁴¹

The main concern of the *Novoe vremya* correspondents about the Russian Armenians was their "natural" reluctance to obey the laws as well as the privileges of non-Orthodox believers, which the residents of the central governorates were deprived of. The common position on this issue can be found in two articles published in 1884. In January, the correspondent greatly approved the proposal of A. Dondukov-Korsakov to extend universal military service to the Caucasian population in order to "partially restore justice for the majority of Russian indigenous population."⁴² Six months later, presumably the same author published a new article, "On the Privileges of the Russian Outskirts."⁴³ He interpreted the "center-periphery" dichotomy as a contrast between the victor and the vanquished: after the conquest, the conquered people stopped to be political actors with their own interests and ambitions, and they could regain their identity through acculturation into a stronger nation.⁴⁴

In May 1884, the election of the Catholicos took place, and the Armenian Patriarch of Constantinople, Nerses Varzhapetian, emerged as the leading candidate. However, after Nerses withdrew his candidacy for health reasons, the election results were annulled.⁴⁵ In response to that event, a correspondent from the *Novoe vremya*

³⁹ "Daily Review" [in Russian], *Novoe vremya* (St Petersburg), no. 2544, March 29, 1883, 1; "Daily Review" [in Russian], *Novoe vremya* (St Petersburg), no. 2567, April 23, 1883, 1.

⁴⁰ Since the mid-19th century, public opinion had been shaped by the perception of the Caucasus as a site of great geopolitical confrontation. In the 1860s, the publication of R.A. Fadeev's *Letters from the Caucasus* played a significant role in perpetuating this image. See Urushadze, "The Caucasian War in the Russian Public Sphere," 103–04.

⁴¹ "Daily Review" [in Russian], *Novoe vremya* (St Petersburg), no. 2567, April 23, 1883, 1.

⁴² "Universal Military Service in the Caucasus" [in Russian], *Novoe vremya* (St Petersburg), no. 2824, January 9, 1884, 1.

⁴³ "On the Privileges of the Russian Outskirts" [in Russian], *Novoe vremya* (St Petersburg), no. 3015, July 21, 1884, 1.

⁴⁴ "On the Privileges of the Russian Outskirts" [in Russian], *Novoe vremya* (St Petersburg), no. 3015, July 21, 1884, 1.

⁴⁵ D.A. Tolstoi, "O vyborakh kandidatov na post Verkhovnogo Patriarkha Katolikosa vsekh armyan, avgust 1884 goda" [On the election of candidates for the post of Supreme Patriarch

attempted to find the reasons why Nerses renounced the prestigious title of Catholicos of All Armenians. The author compared the situation in Etchmiadzin and Constantinople and concluded that there was a wide difference in the political regimes of the two states. In his opinion, the organization of life in the Russian Empire protected the Catholicos from concerns that were foreign to his post, allowing him to focus on his true spiritual service. In contrast, the situation in the Ottoman Empire was a crude mixture of “the spiritual” and “the political,” leading to the involvement of high clergy in political intrigues within the government. The author was not surprised by Nerses’ refusal to head Etchmiadzin, as

the throne (of the Catholicos of All Armenians. – A. N.) can only be desired by a humble and God-fearing person who is devoted to the interests of his people and wishes them well, but it is unlikely to be the goal of someone who is already accustomed to playing a significant political role, even more prominent.⁴⁶

The author’s opinion may be explained by the fact that Nerses Varzhapetian attempted to negotiate with the participants of the Congress of Berlin on the Armenian Question⁴⁷ or by the fact that the Ottoman Empire had the Armenian National Assembly, an elected governing body for the Armenian community that could participate in government activities.⁴⁸ For those reasons, the Russian Empire appeared more favorable when it prohibited religious groups and their leaders interfering in “politics,” which distracted them from their “spiritual” duties.⁴⁹

Another article published almost a year later, studied the issue of Armenian clergy. After the civil authorities closed Armenian parish schools in 1885, the Armenian population started to protest. Nevertheless, the article expressed confidence in the political involvement of Armenian clergymen of the Russian Empire:

Catholicos of All Armenians, August 1884]. F. 821, op. 11, d. 59, ll. 97–98. RGIA. Nerses Varzhapetian died on October 26, 1884 at the age of 47.

⁴⁶ *Novoe vremya* (St Petersburg), no. 2949, May 15, 1884, 1.

⁴⁷ Krbekyan, “The Armenian Question at the Congress of Berlin,” 25, 34.

⁴⁸ Suny, *Looking toward Ararat*, 25; Werth, *The Tsar’s Foreign Faiths*, 131; Riegg, *Russia’s Entangled Embrace*, 134.

⁴⁹ The distinction between “spiritual” and “political” affairs was an important problem for officials in the second half of the 19th century. The imperial functionaries tried to defend the boundaries of the autonomy of confessional communities from the interference of secular authorities. The affairs outside those boundaries were considered “political” and, accordingly, fell under the state jurisdiction. In most cases, the right to determine where those boundaries lay rested with the supreme government. For more, see Werth, *The Tsar’s Foreign Faiths*, 261–62.

Thank God, there is no Armenian revolution, but there is undoubtedly an intrigue of the Armenian clergy, the intrigue which is disadvantageous and dishonorable to the Armenian leaders.⁵⁰

According to the author, the Russian government demonstrated great patience and generosity in response to the Armenian clergy's desire for more privileges than they had already received, which meant the desire for being involved in "politics."⁵¹

The *Moskovskie vedomosti* deserves particular attention, at least because of its editor-in-chief, M. Katkov. In 1860s, he was the pioneer who told about the risks to the Russian government in the Caucasus caused by the supranational status of the Armenian Church head.⁵² In the 1870s, the *Moskovskie vedomosti* joined the discussion about the Transcaucasian transit (the duty-free transportation of goods along the Poti – Tiflis – Julfa route).⁵³ After the Transcaucasian Railway was launched in 1872, the number of European goods transported to the Persian Empire increased every year, while the volume of Russian goods remained unchanged.⁵⁴ In the 1880s, interest in the topic was stimulated by the fact that construction of the railway section between Tiflis and Baku was nearing completion in 1883. The Moscow merchants actively opposed the Transcaucasian transit, arguing that its operation did not correspond to the interests of Russian trade and industry.

According to the authors of the *Moskovskie vedomosti*, Armenians were the main beneficiaries of the transit, and they traditionally had significant influence in trade in the Caspian and Black Sea regions. As a result, discourses about national and political threats gradually emerged around economic issues. Mikhail Agapov described a similar situation with the business projects promoted in the European North in the 1860s and 1870s. In the historian's opinion, the "nationalization" of commercial discourse is related to the symbolic "appropriation" of some imperial

⁵⁰ "Closure of Armenian Schools" [in Russian], *Novoe vremya* (St Petersburg), no. 3248, March 14, 1885, 1–2.

⁵¹ "Closure of Armenian Schools" [in Russian], *Novoe vremya* (St Petersburg), no. 3248, March 14, 1885, 2.

⁵² Werth, *The Tsar's Foreign Faiths*, 149, 159–60.

⁵³ For more, see Kh.A. Ataev, *Trade and Economic Ties between Iran and Russia in the 18th–19th Centuries* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1991); N.G. Kukanova, *Essays on the History of Russian-Iranian Trade Relations in the 17th – First Half of the 19th Century (Based on the Russian Archival Materials)* [in Russian] (Saransk: Mordovskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1977); G. Kornoukhova, "Russian Exporters to Iran VS Transcaucasian Transit of European Goods in the Early 1880s" [in Russian], *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*, vol. 21, no. 4 (2022): 556–67, <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-556-567>.

⁵⁴ Kornoukhova, "Russian exporters to Iran," 560.

space.⁵⁵ At the same time, the tropes of “conspiracy” and “enemies” allowed not only to distinguish “friends” and “outsiders” in this competition but also to justify the failures.⁵⁶ For the *Moskovskie vedomosti*, the Caucasian trade became the stage of geopolitical struggle, and the Russian presence in the Caucasus was at stake. On the one hand, the threat posed by the Armenian merchant was not new, as the discussions about the reliability and usefulness of Armenian merchants had been ongoing in the Russian Empire since the early 19th century.⁵⁷ On the other hand, this constant issue took on new meanings with the rise of nationalist sentiment.

It is unclear when the Armenian merchant who acted against the interests of the Russian Empire first appeared in the pages of the *Moskovskie vedomosti* (it is necessary to study earlier publications). In the 1882 issues, this topic was first mentioned in an article by the newspaper’s regular Caucasian correspondent S.R. In his opinion, the main advocates of transit were clear:

Do we really lose the *firms* (author’s italics. – A.N.), which are worthy of support and whose removal to Turkey or elsewhere would be undesirable and regrettable? . . . As far as we know, these *firms* (author’s italics. – A.N.) are Jewish and Armenian, offering little in the way of reliable moral guarantees.⁵⁸

As in the case of other outlying regions, such as the Far East of the Russian Empire⁵⁹, the image of another *outsider*, the Jew, proved to be a convenient construct for identifying a clear local *Other*. Thanks to S. R., the Armenian became synonymous with the Jew and received all the stereotypical Jewish traits of an unethical entrepreneur, who profits from rent, bankrupts landowners (in this context, Georgians), and opens taverns (*dukhangs*).⁶⁰ According to the Tiflis correspondent, the

⁵⁵ M. Agapov, “‘Plot’ against the Russian North: Nationalizing the Discourse of Entrepreneurs in the 1860s” [in Russian], *Ab Imperio*, no. 4 (2019): 73, <https://doi.org/https://dx.doi.org/10.1353/imp.2019.0113>

⁵⁶ Agapov, “‘Plot’ against the Russian North,” 85, 87.

⁵⁷ Riegg, *Russia’s Entangled Embrace*, 79–80.

⁵⁸ S. R., “From Tiflis” [in Russian], *Moskovskie vedomosti* (Moscow), no. 344, December 12, 1882, 2.

⁵⁹ A similar situation was observed in the Far East of Russia, where the local press called the Chinese population “Jews” for not following the unwritten rules observed by other entrepreneurs competing with them. See Glebov, “Between Foreigners and Subjects,” 114–15.

⁶⁰ S. R., “From Tiflis” [in Russian], *Moskovskie vedomosti* (Moscow), no. 344, December 12, 1882, 2. For more on discourses about the Jews in the Russian Empire, see E.M. Avrutin, *Jews and the Imperial State: Identification Politics in Tsarist Russia* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 2010), 109, 130; E.S. Norkina, “A.M. Dondukov-Korsakov and the Jewish Issue in the Russian Empire” [in Russian], *Tirosh. Trudy po iudaïke, slavistike, orientalistike*, iss. 19 (2019): 189–200, <https://doi.org/10.31168/2658-3380.2019.19.4.1>

main danger posed by Armenians was that they were actively taking advantage of the benefits granted by the empire, simultaneously infringing on Russian sovereignty:

They (Armenians. – A. N.) raise capital, take over all trade in the Caucasus and on the Bosphorus, they buy houses, gardens and estates in Tiflis and Kakheta; through periodicals and schools, they develop and spread their language, which has recently been half-dead and forgotten by the population. . . They form a “state within a state,” everywhere, they do not merge with the dominant people, and they exploit them for their own benefit.⁶¹

In the editorials, M. Katkov insisted that the active participation of Armenians in regional trade posed a threat to the state.⁶² Katkov and S. R. were sure that the Armenians were seeking to leave Russian citizenship and establish their own state in the South Caucasus, perhaps following the example of the Principality of Bulgaria. In general, the rhetoric of the *Moskovskie vedomosti* relied on the existing images and constructs, transferring them from one outskirts to another. The way the editor-in-chief and correspondents described the crises of Caucasian administration was very similar to the rhetoric of the Polish issue.⁶³ The authors blamed the lack of progress in the Caucasus on the “Armenian Party” and its unclear European ally.⁶⁴

The correspondents S. R. and P.A. Kulakovskii (R.) even noticed a “Polish intrigue” in the Armenian opposition against Russian colonization of the Caucasus⁶⁵

⁶¹ S. R., “From Tiflis” [in Russian], *Moskovskie vedomosti* (Moscow), no. 40, February 9, 1884, 4–5.

⁶² M.N. Katkov, “Moscow” [in Russian], *Moskovskie vedomosti* (Moscow), no. 133, May 15, 1883, 2; M.N. Katkov, “Moscow” [in Russian], *Moskovskie vedomosti* (Moscow), no. 144, May 25, 1883, 3; M.N. Katkov, “Moscow” [in Russian], *Moskovskie vedomosti* (Moscow), no. 282, October 11, 1883, 3.

⁶³ A. Renner, “Defining a Russian Nation: Mikhail Katkov and the ‘Invention’ of National Politics,” *The Slavonic and East European Review*, vol. 81, no. 4 (2003): 974, <https://dx.doi.org/10.1353/see.2003.0097>. The word “a Pole” was occasionally used detached from its ethnic connotations. As Mikhail Dolbilov notes, the image of “a Pole” encompassed the political disloyalty and incorrigible non-Russianness. See M. Dolbilov, “A Pole in the Imperial Political Lexicon” [in Russian], in *“Concepts of Russia”: Toward a Historical Semantics of the Imperial Period*, ed. A. Miller, D. Sdvizhkov, and I. Shirle, vol. 2 (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012), 310.

⁶⁴ In the 19th century, the idea that anti-government movements were inspired from abroad was not unique to the Russian Empire. At the discursive level, there were hidden relations in international politics, with political crimes committed to weaken competing states. Borisova, “Imperial Legality through ‘Exception’,” 449.

⁶⁵ S. R., “From Tiflis” [in Russian], *Moskovskie vedomosti* (Moscow), no. 133, May 15, 1883, 3.

and in their desire to study their native language in schools instead of Russian.⁶⁶ The problem seemed more egregious because Armenians not only resisted integration⁶⁷ but also favored the British Empire, Russia's main rival in the Middle East during this period. S. R. wrote that

Armenians residing in the Transcaucasian region and Turkey have been involved in the separatist movement for a long time; they tend to political separation under the leadership of the Catholicos Patriarch, with its capital in Etchmiadzin, under British protection.⁶⁸

In contrast to the editions analyzed above, the *Moskovskie vedomosti* did not deny the political interests of the Etchmiadzin Catholicosate and accused the Catholicos of claiming the role of the Armenian "pope."⁶⁹ However, the Armenian Question was not so urgent to keep the public's attention for a long time. S. R. made the greatest contribution to the discourse on potential Armenian separatism, stating that the Armenian clergy had political ambitions and that the Catholicos claimed the status of a political leader among the nationalists. The majority of the Russian public had no idea what role its government assigned to the Catholicos in foreign policy or what discussions were taking place in high-ranking circles.⁷⁰ I suspect that this lack of awareness allowed newspaper authors to express their opinions about the fate of the Catholicosate more freely. In 1884, the results of the election of a new Armenian Church head were annulled. After that, S. R. proposed to abolish the title of Catholicos of All Armenians, as it could threaten the integrity of the Russian Empire.⁷¹

Thus, the conservative newspapers were more concerned than the liberal ones that the government's authority in certain territories lacked a solid foundation. They believed that *the outsiders* either enjoyed unjustified privileges or refused to be a part of the system on equal terms, challenging the empire's authority. In particular, the

⁶⁶ R., "From Tiflis" [in Russian], *Moskovskie vedomosti* (Moscow), no. 36, February 5, 1883, 3.

⁶⁷ M.N. Katkov, "Moscow" [in Russian], *Moskovskie vedomosti* (Moscow), no. 133, May 15, 1883, 2.

⁶⁸ S. R., "From Tiflis" [in Russian], *Moskovskie vedomosti* (Moscow), no. 111, April 24, 1885, 3–4. The same author also mentioned English support for the Armenian nationalists in the following articles: S. R., "From Tiflis" [in Russian], *Moskovskie vedomosti* (Moscow), no. 344, December 12, 1882, 2; S. R., "From Tiflis" [in Russian], *Moskovskie vedomosti* (Moscow), no. 40, February 9, 1884, 4–5; S. R., "From Tiflis" [in Russian], *Moskovskie vedomosti* (Moscow), no. 111, April 24, 1885, 3–4.

⁶⁹ S. R., "From Tiflis" [in Russian], *Moskovskie vedomosti* (Moscow), no. 150, June 1, 1884, 4.

⁷⁰ Werth, *The Tsar's Foreign Faiths*, 159–62.

⁷¹ Werth, *The Tsar's Foreign Faiths*, 159–62.

conservative authors were more likely to politicize religious affiliation. The *Moskovskie vedomosti* interpreted Armenian attempts to assert the privileges or cultural identity as a manifestation of Armenian nationalist movement led by the church. The situation was aggravated by the rhetoric of Armenian treachery and ingratitude (another association with the Polish issue) as well as by the support of the British Empire, which sought to encroach on the Russian territory in the southern Black Sea region and Central Asia.

Conclusion

The mid-1880s marked the first period when the Russian public in St Petersburg and Moscow began to discuss the apparent tension between the government and the Armenian subjects of the empire in the press. Unlike the North Caucasian mountaineers, who had already been stereotyped and labeled in Russian society, the Christian population of the South Caucasus appeared more understandable to the Russians in the 19th century, and no established stereotypes of their rebelliousness, impulsiveness, or aggressive unpredictability had been formed so far.⁷² Therefore, we can assume that by the second half of the century, the “Armenophobia” had not deeply rooted in the core of the empire, and the observations and conclusions of newspaper correspondents were just responses to current events, such as the abolition of Caucasus Viceroyalty or the elimination of the Transcaucasian transit.

All the editions (*Golos*, *Russkiye vedomosti*, *Moskovskie vedomosti*, and *Novoe Vremya*) accepted the separation of the Caucasus from the empire, and the legal particularism was not supported. However, there was no consensus among the newspaper authors regarding the causes and solutions to this problem. The public sphere was decentralized, and despite the censorship restrictions of 1881–82, the public was able to choose the sources of information.⁷³

After the abolition of the viceroyalty, the government accelerated the merging of the region with the Russian governorates, which resulted in debate about the integration of the outlying areas and the role of the officials and the non-Russian and non-Orthodox population in that process. All newspapers declared that the supreme authority had no strong foundation in the southern regions and that the officials were unable to fulfill their mission. From the conservative point of view, the needs of the Russian Empire clashed with the interests of some adherents of other faith, who often ignored their obligations to the state, but claimed more and more rights through unjustified privileges. According to the correspondents, the forced acculturation and

⁷² B. Grant, *The Captive and the Gift: Cultural Histories of Sovereignty in Russia and the Caucasus* (Ithaca, New York: Cornell University Press, 2009), 12.

⁷³ Similar conclusions about the functioning of the public sphere under the reign of Nicholas I are drawn by Urushadze. See Urushadze, “The Caucasian War in the Russian Public Sphere,” 101.

Russian colonization could be the solution, as it made it possible to dilute the unreliable “indigenous” population of the Caucasus region. The *Moskovskie vedomosti* was more active than other editions in discussing the national differences. As for Katkov’s newspaper, two factors played a role. The first one is the opinion and language which were developed during the discussions on the Polish issue and used in relation to politically active *Others*. The second factor was the active work of the correspondents stationed in the Caucasus. According to the liberal press, the responsibility for the crisis lay with the Caucasian administration (the local center of “civilization”), which lacked competent and highly moral officials. The unqualified personnel not only violated the legal principles in the outskirts but also denigrated the Russian government in front of the local population. The grassroots mobilization of the population, according to these newspapers, did not contradict the loyalty of the Armenian population to the tsar.

In the Russian public sphere of the early 1880s, the Armenian Question was one of many national questions or issues interpreted as a relationship between the system and *the outsider*. The liberal press insisted on equalizing Armenian freedoms but placed them at the bottom of the cultural hierarchy. The conservative press pointed out that the Armenians were not completely fulfilling their duties to the state and that they were using the rights granted by the tsar against the state’s interests. These competing positions were based on the same political facts and legal provisions, and the authors promoted the appealing ideas in the public sphere. Public discussions reveal not only the conflicting discourses but also the fact that the content of legal documents, news, and other sources is not unchangeable.⁷⁴ The group subjectivity of Armenians was created in the course of interaction and represented in printed discussions as a reaction to various events. Similarly, the essence of “citizenship” or “imperial rights regime” in pre-revolutionary Russia depended on collective imagination.

Список литературы

Аганов М. «Заговор» Против Севера России: национализация предпринимательского дискурса в 60-е гг. XIX в. // *Ab Imperio*. 2019. № 4. С. 73–96. <https://doi.org/https://dx.doi.org/10.1353/imp.2019.0113>

Атаев Х.А. Торгово-экономические связи Ирана с Россией в XVIII–XIX вв. Москва: Наука, 1991. 391 с.

Долбилов М. Поляк в имперском политическом лексиконе // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода: в 2 т. / под редакцией А. Миллера, Д. Сдвижкова, И. Ширле. Москва: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 2. С. 292–339.

⁷⁴ Kirmse, *The Lawful Empire*, 205–06.

Кирмзе Ш.Б. Империя законности: юридические перемены и культурное разнообразие в позднимперской России / перевод с английского А. Ланге. Москва: Новое литературное обозрение, 2023. 430 с.

Корноухова Г. Российские экспортеры в Иран VS закавказский транзит европейских товаров в начале 1880-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21, № 4. С. 556–567. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-556-567>

Крбежян В.Г. Армянский вопрос на Берлинском конгрессе // Вестник общественных наук. 2002. № 2. С. 25–45. URL: <https://arar.sci.am/dlibra/publication/42855/edition/38388/content> (дата обращения: 30.11.2024).

Куканова Н.Г. Очерки по истории русско-иранских торговых отношений в XVII – первой половине XIX века (По материалам русских архивов). Саранск: Мордовское государственное издательство, 1977. 286 с.

Норкина Е.С. А.М. Дондуков-Корсаков и еврейский вопрос в Российской империи // Тирош. Труды по иудаике, славистике, ориенталистике. 2019. Вып. 19. С. 189–200. <https://doi.org/10.31168/2658-3380.2019.19.4.1>

Ремнев А.В. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 511 с.

Сафронова Ю.А. Русское общество в зеркале революционного террора. 1879–1881 годы. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. 376 с.

Слокум Дж.У. Кто и когда были «иногородцами»? Эволюция категории «чужие» в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии / составители П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. Москва: Новое издательство, 2005. С. 502–525.

Сонина Е.С. Петербургская универсальная газета конца XIX века. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2004. 356 с.

Урушадзе А.Т. Армянский католикос в системе управления Российской империи: пределы и противоречия интеграции // Христианство на Ближнем Востоке. 2023. Т. 7, № 2. С. 183–202. <https://doi.org/10.24412/2587-9316-2023-00170>

Урушадзе А.Т. Кавказская война в российской публичной сфере (1801–1864) // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 1. С. 85–126. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-3>

Avrutin E.M. Jews and the Imperial State: Identification Politics in Tsarist Russia. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2010. 232 p.

Borisova T. Imperial Legality through ‘Exception’: Gun Control in the Russian Empire // *Journal of Modern European History*. 2021. Vol. 19, iss. 4. P. 448–468. <https://doi.org/10.1177/16118944211051853>

Burbank J. An Imperial Rights Regime: Law and Citizenship in the Russian Empire // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2006. Vol. 7, no. 3. P. 397–431. <https://dx.doi.org/10.1353/kri.2006.0031>

Case H. The Age of Questions: Or, A First Attempt at an Aggregate History of the Eastern, Social, Woman, American, Jewish, Polish, Bullion, Tuberculosis, and Many Other Questions over the Nineteenth Century, and Beyond. Princeton: Princeton University Press, 2018. 328 p.

Glebov S. Between Foreigners and Subjects: Imperial Subjecthood, Governance, and the Chinese in the Russian Far East, 1860s–1880s // *Ab Imperio*. 2017. № 1. P. 86–130. <https://dx.doi.org/10.1353/imp.2017.0005>

Grant B. *The Captive and the Gift: Cultural Histories of Sovereignty in Russia and the Caucasus*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2009. 188 p.

Lohr E. The Ideal Citizen and Real Subject in Late Imperial Russia // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2006. Vol. 7, no. 2. P. 173–194. <https://dx.doi.org/10.1353/kri.2006.0021>

McReynolds L. *The News under Russia's Old Regime: The Development of a Mass-Circulation Press*. Princeton: Princeton University Press, 1991. 328 p.

Morrison A. Metropole, Colony, and Imperial Citizenship in the Russian Empire // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2012. Vol. 13, no. 2. P. 327–364. <https://dx.doi.org/10.1353/kri.2012.0016>

Nationalizing Empires / edited by S. Berger, A. Miller. Budapest: Central European University Press, 2015. 691 p.

Renner A. Defining a Russian Nation: Mikhail Katkov and the “Invention” of National Politics // *The Slavonic and East European Review*. 2003. Vol. 81, no. 4. P. 659–682. <https://dx.doi.org/10.1353/see.2003.0097>

Riegg S.B. *Russia’s Entangled Embrace: The Tsarist Empire and the Armenians, 1801–1914*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2020. 328 p.

Saunders D. Russia and Ukraine under Alexander II: The Valuev Edict of 1863 // *The International History Review*. 1995. Vol. 17, no. 1. P. 23–50. <http://dx.doi.org/10.1080/07075332.1995.9640700>

Suny R.G. *Looking toward Ararat: Armenia in Modern History*. Bloomington: Indiana University Press, 1993. 289 p.

Werth P.W. *The Tsar’s Foreign Faiths: Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia*. New York: Oxford University Press, 2014. 288 p.

References

Agapov, M. “‘Zagovor’ Protiv Severa Rossii: natsionalizatsiya predprinimatel'skogo diskursa v 60-e gg. XIX v.” [“Plot” against the Russian North: Nationalizing the discourse of entrepreneurs in the 1860s]. *Ab Imperio*, no. 4 (2019): 73–96. <https://dx.doi.org/10.1353/imp.2019.0113> (In Russian)

Ataev, Kh.A. *Torgovo-ekonomicheskie svyazi Irana s Rossiei v XVIII–XIX vv.* [Trade and economic ties between Iran and Russia in the 18th–19th centuries]. Moscow: Nauka, 1991. (In Russian)

Avrutin, E.M. *Jews and the Imperial State: Identification Politics in Tsarist Russia*. Ithaca; New York: Cornell University Press, 2010.

Berger, S., and A. Miller, eds. *Nationalizing Empires*. Budapest: Central European University Press, 2015.

Borisova, T. “Imperial Legality through ‘Exception’: Gun Control in the Russian Empire.” *Journal of Modern European History*, vol. 19, iss. 4 (2021): 448–68. <https://doi.org/10.1177/16118944211051853>

Burbank, J. “An Imperial Rights Regime: Law and Citizenship in the Russian Empire.” *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, vol. 7, no. 3 (2006): 397–431. <https://dx.doi.org/10.1353/kri.2006.0031>

Case, H. *The Age of Questions: Or, A First Attempt at an Aggregate History of the Eastern, Social, Woman, American, Jewish, Polish, Bullion, Tuberculosis, and Many Other Questions over the Nineteenth Century, and Beyond*. Princeton: Princeton University Press, 2018.

Dolbilov, M. “Polyak v imperskom politicheskom leksikone” [A Pole in the imperial political lexicon]. In “*Ponyatie o Rossii*”: *k istoricheskoi semantike imperskogo perioda* [“Concepts of Russia”: Toward a historical semantics of the imperial period], 2 vols., edited by A. Miller, D. Sdvizhkov, and I. Shirle, vol. 2, 292–339. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. (In Russian)

Glebov, S. “Between Foreigners and Subjects: Imperial Subjecthood, Governance, and the Chinese in the Russian Far East, 1860s–1880s.” *Ab Imperio*, no. 1 (2017): 86–130. <https://dx.doi.org/10.1353/imp.2017.0005>.

Grant, B. *The Captive and the Gift: Cultural Histories of Sovereignty in Russia and the Caucasus*. Ithaca; New York; London: Cornell University Press, 2009.

Kirmse, S.B. *Imperiya zakonnosti: yuridicheskie peremeny i kul'turnoe raznoobrazie v pozdneimperskoi Rossii* [The lawful empire: Legal change and cultural diversity in late tsarist Russia], translated from English by A. Lange. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023. (In Russian)

Kornoukhova, G. “Rossiiskie eksportery v Iran VS zakavkazskii tranzit evropeiskikh tovarov v nachale 1880-kh gg.” [Russian exporters to Iran VS Transcaucasian transit of European goods in the early 1880s]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*, vol. 21, no. 4 (2022): 556–67. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-556-567> (In Russian)

Krbekyan, V.G. “Armyanskii vopros na Berlinskome kongresse” [The Armenian Question at the Congress of Berlin]. *Vestnik obshchestvennykh nauk*, no. 2 (2002): 25–45. Accessed November 30, 2024. <https://arar.sci.am/dlibra/publication/42855/edition/38388/content> (In Russian)

Kukanova, N.G. *Ocherki po istorii russko-iranskikh torgovykh otnoshenii v XVII – pervoi polovine XIX veka (Po materialam russkikh arkhivov)* [Essays on the history of Russian–Iranian trade relations in the 17th – first half of the 19th century (Based on the Russian archival materials)]. Saransk: Mordovskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1977. (In Russian)

Lohr, E. “The Ideal Citizen and Real Subject in Late Imperial Russia.” *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, vol. 7, no. 2 (2006): 173–94. <https://dx.doi.org/10.1353/kri.2006.0021>

McReynolds, L. *The News under Russia's Old Regime: The Development of a Mass-Circulation Press*. Princeton: Princeton University Press, 1991.

Morrison, A. “Metropole, Colony, and Imperial Citizenship in the Russian Empire.” *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, vol. 13, no. 2 (2012): 327–64. <https://dx.doi.org/10.1353/kri.2012.0016>

Norkina, E.S. “A.M. Dondukov-Korsakov i evreiskii vopros v Rossiiskoi imperii” [A.M. Dondukov-Korsakov and the Jewish issue in the Russian Empire]. *Tirosh. Trudy po iudaice, slavistike, orientalistike*, iss. 19 (2019): 189–200. <https://doi.org/10.31168/2658-3380.2019.19.4.1> (In Russian)

Remnev, A.V. *Samoderzhavnoe pravitel'stvo: Komitet ministrov v sisteme vysshego upravleniia Rossiiskoi imperii (vtoraiia polovina XIX – nachalo XX veka* [Autocratic government: The Committee of Ministers in the Russian Empire's system of higher administration (in the second half of the 19th and the early 20th century)]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2010. (In Russian)

Renner, A. "Defining a Russian Nation: Mikhail Katkov and the 'Invention' of National Politics." *The Slavonic and East European Review*, vol. 81, no. 4 (2003): 659–82. <https://dx.doi.org/10.1353/see.2003.0097>

Riegg, S.B. *Russia's Entangled Embrace: The Tsarist Empire and the Armenians, 1801–1914*. Ithaca; New York: Cornell University Press, 2020.

Safronova, Yu.A. *Russkoe obshchestvo v zerkale revolyutsionnogo terrora. 1879–1881 gody* [Russian society in the mirror of revolutionary terrorism, 1879–1881]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. (In Russian)

Saunders, D. "Russia and Ukraine under Alexander II: The Valuev Edict of 1863." *The International History Review*, vol. 17, no 1 (1995): 23–50. <http://dx.doi.org/10.1080/07075332.1995.9640700>

Slocum, J.W. "Kto i kogda byli 'inorodtsami'? Evolyutsiya kategorii 'chuzhie' v Rossiiskoi imperii" [Who, and when, were the inorodtsy? The evolution of the category of "aliens" in imperial Russia]. In *Rossiiskaya imperiya v zarubezhnoi istoriografii* [The Russian Empire in foreign historiography], compiled by P. Werth, P.S. Kabytov, and A.I. Miller, 502–25. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2005. (In Russian)

Sonina, E.S. *Peterburgskaya universal'naya gazeta kontsa XIX veka* [St Petersburg universal newspaper of the late 19th century]. St Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2004. (In Russian)

Suny, R.G. *Looking toward Ararat: Armenia in Modern History*. Bloomington: Indiana University Press, 1993.

Urushadze, A.T. "Armyanskii katolikos v sisteme upravleniya Rossiiskoi imperii: predely i protivorechiya integratsii" [Armenian Catholicos in the system of government of the Russian Empire: Limits and contradictions of integration]. *Khristianstvo na Blizhnem Vostoke*, vol. 7, no. 2 (2023): 84–98. <https://doi.org/10.24412/2587-9316-2023-00170> (In Russian)

Urushadze, A.T. "The Caucasian War in the Russian Public Sphere (1801–1864)." *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 8, no. 1 (2024): 85–126, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-3>

Werth, P.W. *The Tsar's Foreign Faiths: Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia*. New York: Oxford University Press, 2014.

Информация об авторе

Александра Васильевна Недопекина – аспирант, <https://orcid.org/0009-0004-0675-998X>, avnedopekina@hse.ru, НИУ «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург (д. 123, литера А, наб. Канала Грибоедова, 190068 Санкт-Петербург, Россия).

Information about the author

Aleksandra V. Nedopekina – Postgraduate student, <https://orcid.org/0009-0004-0675-998X>, avnedopekina@hse.ru, HSE University – St Petersburg (123, litera A, nab. Kanala Griboedova, 190068 St Petersburg, Russia).

Статья поступила в редакцию 30.11.2024; одобрена после рецензирования 23.05.2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 30.11.2024; approved after reviewing 23.05.2025; accepted for publication 30.06.2025.